

INSPIRIA

КРИСТОФФЕР
ХОЛЬСТ

ЛЕТНИЙ
СОН
В АЛЫХ ТОНАХ

INSPIRIA

Кристоффер Хольст

Летний сон в алых тонах

Серия «Ток. Хюгге-детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63755176

К. Хольст. Летний сон в алых тонах: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-118015-7

Аннотация

Силла Сторм разочаровалась в своей работе. Рассталась с парнем. Раздумала покупать с ним домик у моря... или нет?

После расставания она не хочет сидеть и распускать нюни, и решает приобрести небольшой участок на отдаленном архипелаге. Тут ее жизнь принимает неожиданный оборот. После ежегодного летнего празднования находят труп. Выясняется, что Силла последняя видела жертву живой, и девушка оказывается втянута в расследование. А ведет его очень симпатичный полицейский Адам.

Немного невротичная поклонница Шардоне и строгий, всегда одетый с иголки Адам – абсолютно разные люди. Возможно поэтому их так неудержимо тянет друг к другу. Но на острове происходит еще одно убийство...

«Рецепт хорошего настроения» – BARNBOKSBLOGGEN

«Очаровательный коктейль из романтической комедии, детектива и саспенса» – DUST magazine

«Идеальный feel-good с щепоткой детектива» – Aftonbladet

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	31
Глава пятая	35
Глава шестая	46
Глава седьмая	60
Глава восьмая	66
Глава девятая	79
Глава десятая	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Кристоффер Хольст

Летний сон в алых тонах

Christoffer Holst

Sweet, Red Summer Dreams

© Christoffer Holst, 2019

© Савина Е., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава первая

Канун праздника летнего солнцестояния, 2017

Чудесным теплым днем я поднимаюсь на борт судна и отправляюсь навстречу новой жизни.

Судно, которое увезет меня прочь от всего, что было. К чему-то совершенно новому.

Прочь от всего, что вместили последние месяцы.

От всех слез, от всех бессонных ночей, проведенных перед телевизором в компании мороженого. Или как оно там должно выглядеть. Во всяком случае, я всегда именно так представляла себе расставание. Ну ладно, возможно, кто-нибудь на моем месте махнул бы в Австралию, прыгнул с тарзанки или пустился бы вплавь по Нилу на крокодиле, чтобы вновь обрести себя. Но что может быть лучше проверенного киношного способа справиться с навалившимся отчаянием – выплакать все слезы, которые необходимо выплакать, и съесть все мороженое, которое необходимо съесть. Очень-очень много мороженого.

И я попробовала. Накупила кучу коробок с мороженым, сколько смогла унести. Но мой желудок запротестовал уже после двух. Лактоза уничтожила мои шансы на киношную скорбь. Оставалось просто лежать на диване. В полном одиночестве. И глазеть на мир через экран телевизора. На мир,

который внезапно стал чужим и далеким.

День, когда Данне, с которым мы встречались уже три года, решил объявить о разрыве наших с ним отношений, начался хуже не бывает: с приступа цистита. Мое тело как-ким-то странным образом всегда заранее чувствует, что должно случиться что-то плохое, и по-своему меня предупреждает. Вот такая у меня суперспособность. В первый раз она проявила себя утром перед Рождеством двадцать пять лет назад, когда мама сообщила мне, что больна. Серьезно больна. С тех пор я поняла, что цистит означает плохие новости. И это знание меня еще ни разу не подводило.

Однако должна признать, что монолог Данни на тему «давай разбежимся» огорошил меня не меньше, чем мамино известие о болезни. Хуже всего то, что почти никаких причин для этого не было. Кроме одной – он больше меня не любит. Именно так он объяснил мне свое желание уйти, пока я сидела и хлопала глазами за столиком в кафе «Техас Лонгхорн» тем апрельским вечером. Он не сказал *я встретил другую* или *мы совсем перестали заниматься сексом*. Он просто сказал, что больше меня не любит.

И что я должна была на это ответить?

Ничего.

В тот же вечер он собрал свои вещи и ушел. Через неделю приехал фургон с грузчиками, и те забрали диван, который по факту принадлежал ему, и несколько коробок.

А потом тишина. Слезы. И, разумеется, подбадривающие

телефонные разговоры с моим лучшим другом Закке.

И вот теперь я здесь. Плыву по сверкающим июньским водам Балтийского моря. Просто удивительно, куда порой может забросить тебя жизнь.

В Стокгольме лето, и вокруг парома «Серебряная стрела» снуют симпатичные парусные яхты по соседству с роскошными рычащими катерами. Пол парома постукивает под ногами, и прохладный ветерок обдувает лицо.

В ушах композиция «Wanted man»¹ группы NEEDTOBREATHE. Come and get me!² – напевает своим неповторимым скрипучим голосом Беар Райнхарт, в то время как впереди на горизонте появляется и начинает медленно расти покрытый зеленью массив шхер.

Буллхольмен. Остров, который в ближайшие месяцы я стану называть своим домом.

Мой пульс учащается, когда я вижу, как начинают готовить сходни для высадки на берег. Отныне пути назад нет. Приехали. *Вот дьявол.*

Мой чемодан на колесиках скрипит по гравию. Я прохожу мимо киоска с мороженым и еще парочки лавок, торгующих жареной салакой и свежими креветками. За спиной – гостевая бухта, где приезжающие швартуют свои парусные яхты в преддверии праздника. Я прочитала, что где-то здесь есть го-

¹ Я в розыске (англ.).

² Приди и забери меня! (англ.)

стиница. И даже небольшой магазин «ИКА» и ресторанчик, в котором подают пиццу и гамбургеры с маринованным луком (я много раз гуглила меню в Интернете, и надо сказать, я просто *обожаю* маринованный лук). Но впереди справа я уже вижу вывеску, обозначающую вход в Буллхольменский садоводческий кооператив. Я останавливаюсь и наклоняюсь к моему маленькому розовому чемоданчику на колесиках. Достая из кармана смартфон и делаю снимок, который тут же отправляю Закке с текстом: *Я на месте!*

И почти сразу же получаю ответ: *Вижу кусты и деревья. Просто мурашки по коже. Будь осторожна!*

Я миную вход и окидываю взглядом маленькие домики, утопающие в зелени садов. Этакое попури пастельных оттенков, отцветших яблонь и насосной станции, где дачники берут воду для полива грядок. Я устремляюсь по Огуречному переулку, а жить буду на Редисовой улице. Знаю, звучит глупо. Это и есть глупость. В смысле, тот факт, что я здесь. Всего несколько недель назад я была обычной стокгольмской девчонкой без планов на лето. Со съемной квартирой в районе Сёдермальм, работой на полную ставку и тремястами тысячами наличных. Ей-богу, я никого не ограбила. Честное слово. Триста тысяч я добросовестно скопила. На это ушло несколько лет, но у меня была мечта. Мы с Данне собирались поднакопить денег, а потом вместе купить летний домик. Где-нибудь у воды.

В тот вечер я даже притащила в «Техас Лонгхорн» най-

денное в газете объявление о продаже. Домик в Остхаммаре. И собиралась показать ему. Я понимала, что в последнее время для нас все складывалось не слишком радужно. Я вкалывала как проклятая, чтобы выдержать конкуренцию с сокращенными и уволенными сотрудниками, которые появились, когда дело дошло до отмены внештатных вакансий. Но все же заметила, что несколько дней в неделю Данне стал чуть дольше задерживаться на работе и даже чаще, чем обычно, встречаться со своими приятелями. Но я старалась думать о том, что мы вместе уже несколько лет. Где найдешь пару, которая после стольких лет отношений станет каждый вечер устраивать себе романтический ужин? И покажите мне тех умников, которые постоянно готовят ризотто и прочую итальянскую стряпню! Пустяки, уговаривала я себя. В конце концов, нет ничего страшного в том, что после нескольких лет совместной жизни все наше меню свелось к тайской кухне навынос, роллам с фалафелем и супам быстрого приготовления. И уж вовсе не стоит удивляться тому, что мужчина и женщина не всегда спят в одной постели. Или это все же странно? Но ведь я не сверхчеловек!

В том маленьком домике в Остхаммаре был сосновый пол. Сосновый пол, обитые панелями стены, летняя кухонька и белые, колышущиеся на ветру занавески. Все это было указано в объявлении, которое я принесла в бумажном пакете в кафе. Но потом прозвучали эти слова:

Силла, нам надо поговорить.

Когда он так сказал, я сразу все поняла. Содержимое моего пакета превратилось в лед. Клумбы увяли, солнце зашло за тучу и белые кружевные занавески слетели на пол.

Поэтому в тот день, когда приехала машина для перевозки вещей, я рассталась не только с Даниелем, но и с моей мечтой. Мечтой о загородном домике. Где я бы училась выращивать овощи, читала романы в шезлонге и готовила обеды на свежем воздухе. После нескольких дней поиска по сайтам с недвижимостью я поняла, что с моей зарплатой четверти миллиона в качестве взноса надолго не хватит, хотя мне они и кажутся целым состоянием.

И тогда я заплакала. Позвонила Закке и пожаловалась на мою неудавшуюся судьбу. А он в ответ сказал: *Перестань ныть, черт тебя побери, и купи себе садовый участок!*

Мне такое даже в голову не приходило. Но тут меня как током ударило. Я села за компьютер и принялась гуглить как безумная. И довольно быстро убедилась, что большинство считает садовые участки пустой затеей. Во-первых, они стоят денег, а во-вторых, чисто технически ты не владеешь землей, а только арендуешь ее у кооператива, поэтому, если когда-нибудь надумаешь ее продать, то никакой особой выгоды не получишь. Кроме того, многие писали, что на садовом участке надо вкалывать куда больше, чем может сначала показаться. Придется возделывать землю, полоть сорняки, поливать – в общем, содержать его в чистоте и порядке.

По правде сказать, я уже была готова расстаться со своей

мечтой, когда одной бессонной ночью, сидя у себя в квартирке на Бастугатан, я внезапно наткнулась на объявление на сайте газеты по продаже недвижимости.

Небольшой садовый участок в идиллии ихер!

Я абсолютно не разбираюсь в Стокгольмском архипелаге. Бывала когда-то на Фьедерхолмерне и Сандхамне. Но Булльхольмен был мне совершенно не знаком. Маленький живописный островок, где почти никто не живет зимой, но чрезвычайно популярный у туристов летом. И с садоводческим кооперативом с шестьюдесятью двумя садовыми участками и расположенными на них домиками.

Мой участок, а той ночью я уже видела его своим, находился по адресу Редисовая улица, 14. Я влюбилась в него, едва увидев выложенные в Интернете фотографии. Домик площадью в двадцать квадратных метров с маленькой кухонькой, мансардой, туалетом и водопроводом (правда, без душа). Стоило сие удовольствие 290 000 крон плюс ежемесячная арендная плата в 1000 крон. То, что надо.

Я сворачиваю на Редисовую улицу, по дороге заглядывая во все сады, мимо которых прохожу. Тетеньки и дяденьки лежат и загорают до оттенков как в передаче «Лето на Первом». Со смехом резвятся возле поливочных водораспылителей дети. Розово-красный от загара и с голым торсом мужик средних лет подстригает газон. Наконец я останавливаюсь. Вот он, номер четырнадцать.

Бог ты мой, я здесь. Впервые вижу это место воочию. Я сглатываю. Домишко-то совсем крохотный. Я ведь знала, что он будет небольшим, но, мама моя, он же в самом деле маленький. *Petit*, как говорят французы. Вот интересно, получится у меня уместиться внутри? Или этот домик строили исключительно для тощих, как шпильки, француженок?

У калитки я ненадолго задерживаюсь. Достая смартфон и переключаю музыкальный плей-лист на мое последнее увлечение: аудиокнига «На собственных ногах» от какого-то известного телевизионного психолога, о которой, если бы не Закке, я бы так никогда и не узнала. Текст читает Баббен Ларссон, и есть что-то такое в ее теплом готландском выговоре, от чего слова, когда я их слышу, западают мне прямо в душу. *Каждый раз, когда вас охватывает страх, – не сопротивляйтесь. Не гоните его прочь и не убегайте сами. Просто позвольте ему овладеть вами. И вскоре он пройдет.*

Деревянная калитка скрипит, когда я медленно ее отворяю. По правую руку – газон с большой развесистой яблоней, несколько кустов и круглая лужайка с засохшими цветами.

Слева – несколько грядок, где из черной земли торчат зеленые, но поникшие стебли каких-то трав. А еще есть летняя кухня. Во всяком случае, в объявлении упоминалась летняя кухня. В действительности же это просто столешница. И стоящее рядом ведро для воды.

Я подхожу к двери домика. Достая ключ, который прошлая владелица Анита Ларссон передала мне на Централь-

ном вокзале в Стокгольме. Ненадолго закрываю глаза и вдыхаю ароматы лета и горячего гравия. *Обнимите страх, ведь он ваш друг*, читает Баббен.

Наверное, мне стоит подыскать себе других друзей, думаю я.

После чего вставляю ключ в замок.

Глава вторая

Тем же вечером, но позже

У Каролины Аксен новое платье. Белое, облегающее, с глубоким V-образным вырезом на спине, украшенным светло-розовыми кружевами. За платье было уплачено шесть тысяч крон, но Каролина считала, что оно того стоило. В ее семье недостатка в деньгах нет, скорее наоборот, но ведь ей всего девятнадцать лет – что она понимает в таких вещах? Только что окончила гимназию. Ни работы, ни собственного капитала, так что любую вещь, которую она хотела купить, по-прежнему приходилось согласовывать с отцом.

И это белое платье от Натали Шутерман не стало исключением. Потому что Каролине, разумеется, требовалось новое платье для дня летнего солнцестояния. Это было традицией. Семья Аксенов ежегодно отмечала этот праздник на Булльхольмене с тех пор, как Каролине исполнилось семь, и каждый год девочка получала еще одно красивое платье в подарок специально для праздничного вечера. С тех пор ничего не изменилось, разве что наряды теперь выбирала она сама.

Всего неделю назад она стояла в бутике, с наслаждением пропуская сквозь пальцы светлую нежную ткань. В ушах грохотала истеричная музыка, и она представляла себе, каким

будет праздник в этом году. Она будет танцевать всю ночь напролет. Танцевать с Бенжаминем, целовать его, а потом они вместе побегут к морю, станут плескаться и скидывать с себя одежду.

Летний праздник на Буллхольмене – это всегда идиллия. А теперь, когда у нее, помимо всего прочего, есть парень, так вообще сказка.

Хотя что-то не так. Что-то *кажется* неправильным.

Каролина не может сказать, что именно.

Они, как обычно, отметили день летнего солнцестояния праздничным ужином на причале возле папиной яхты: Каролина, папа Людвиг, его новая пассия Лена и ее дочь Йенни.

И, как обычно, здоровались со всеми знакомыми.

Как обычно, поднялись в гостиницу и открыли шампанское.

А теперь обеденный зал гостиницы превратился в танцпол. Скоро уже десять часов вечера, из динамиков гремит «Летнее время». Ее так называемая мачеха отплясывает так, что стыдно за нее делается. Но даже это в порядке вещей. А вот Бенжамина здесь нет. Не таким виделся в мечтах Каролины этот вечер.

Он на улице. Стоит и курит, хотя знает, что отец Каролины терпеть этого не может. Разговаривает с *ней*. С Иной. Ина в платье предположительно из «Джина Трико». Ина, которая и краситься-то не умеет: ресницы как у клоуна в «Оно». Ина, которую Каролина знает с десяти лет. И которую когда-то

называла лучшей подружкой.

Они стоят слишком близко друг к другу. Дурацкая мысль, и Каролина это знает, но все равно ревнует. Но ей в самом деле трудно понять. Почему. Почему Бенжамин, парень, с которым она вместе уже почти полгода, стоит здесь с другой девушкой вместо того, чтобы танцевать в зале с Каролиной? Очевидно, потому, что Ина тоже курит. *Чертовы сигареты.*

– Карро!

Из-за спины Каролины, пританцовывая, появляется мачеха Лена. В руке у нее какое-то ядовито-желтое пойло – похоже на бокал с соплями.

– Ты почему не танцуешь, Карро?

– Уже иду.

– Ты чем-то опечалена?

– Нет.

– Сердишься?

Каролина вздыхает.

– Нет, все в порядке, Чилла.

Ее мачеха шуточно вскидывает ладони.

– Прости! Я только пытаюсь тебе помочь.

– Спасибо, не надо.

– Если тебе грустно, то спускайся к сестре на яхту. Она наверняка обрадуется компании. А то лежит там совсем одна и читает.

Каролина закатывает глаза, и ее мачеха, танцуя, убирается прочь, а «Летнее время» между тем сменяется «Летом в

городе». Как будто Каролина когда-нибудь горела желанием спуститься к Йенни на яхту. К Йенни, которая предпочитает лежать, укрывшись в своей каюте, и читать заумные книжки, для которых у Каролины не хватает выдержки даже осилить текст на задней обложке. К тому же Каролине не нравится, когда Лена называет Йенни ее сестрой. Черт побери, у них же ни капли общей крови. Они родом с двух разных планет. Нет, точнее, Солнечных систем. Галактик. И к Буллхольмену ее так называемая сестрица не имеет ровным счетом никакого отношения. Это мир Каролины. А не Йенни.

Но немного свежего воздуха ей точно не помешает. Особенно теперь, когда все бросились танцевать и обеденный зал гостиницы пропах потом мужиков и теток.

Каролина покидает зал и на своих тонких каблучках спускается по каменной лестнице к выходу. Проходит по усыпанному гравием двору мимо Ины и Бенжамина, стоящих в облаке воняющего ментолом дыма.

– Пойду пройдуся, – коротко бросает она. – Увидимся позже.

Бенжамин тут же настораживается.

– Карро? Ты куда?

– На прогулку.

– Подожди, пожалуйста...

Но Каролина не ждет. Она вообще не собирается никого ждать. Ни Бенжи, ни Ину, ни черта, ни дьявола. Она отправляется гулять, и точка.

И купание летней ночью голой в заливе, которое она планировала совершить с Бенжаминном, она отправится совершать одна.

Глава третья

Чудесный летний вечер на вкус словно вино шардоне. Мягкий, округлый, с нотками спелых фруктов.

Так я подумала, откидываясь на спинку садового стула в моем новом саду. Тепло, хорошо. Ласковый ветерок целует мне щеки и ерошит волосы.

Я здесь. В самом деле здесь.

Я переехала, начала все с чистого листа. Точь-в-точь как героини моих любимых романов. Чаще всего их мужья изменяли им или погибали в каких-нибудь ужасных автокатастрофах (как будто бывают *не ужасные* автокатастрофы...), после чего их жизнь давала резкий крен. Но потом они снова вставали на ноги, покупали нуждающийся в ремонте домик цвета сливы в Тоскане, переезжали туда и влюблялись в какого-нибудь итальянского кустика-ремесленника. Обожаю такие истории.

Однако эти героини, кажется, всегда были такими смелыми. Или, если они не являлись такими в начале, то обязательно становились таковыми в конце. Они учились управлять своей жизнью. Умели крепко ухватиться за руль и ехать точно туда, куда надо. Возможно, со временем я тоже стану именно такой женщиной. С помощью мудрых напутствий Баббен Ларссон. Если бы только жизнь не была такой чертовски... трудной.

Я делаю глоток шардоне (из Калифорнии – первоклассная штука!) и с любопытством гляжу по сторонам. Интересно, сколько итальянских кустарей живет поблизости... Впрочем, если следовать литературному канону, то Данне мне не изменил и не погиб в ужасной автокатастрофе. Он просто ушел. Исчез из моей жизни. Еще вчера он был, а сегодня его уже нет. словно никогда и не было. словно я сама придумала его.

Я стискиваю челюсти. Делаю глубокий вдох через нос. Я не стану плакать. Это первый вечер моей новой жизни, и я НЕ стану тратить его на сопли на моем новом садовом участке.

Рядом со мной на траве стоят портативные розовые блю-тус-колонки, из которых негромко доносится композиция группы The Killers. В остальной части острова жизнь идет своим чередом. Я еще когда только приехала, уже слышала, как расппевают песни. С соседних участков доносится запах жареной картошки с укропом. Все празднуют день летнего солнцестояния. Все, кроме меня.

Я вообще-то подумывала пройтись, поглядеть на сады. Познакомиться, так сказать, с соседями. Но только не сегодня. А то нехило получится. *Привет, меня зовут Силла, меня только что бросил парень, я одна на всем белом свете и решила пока пожить здесь. Здорово, правда? Кстати, у вас еще осталась немного картошки с селедкой? МОЖНО Я ПОБУДУ С ВАМИ?!*

Фу, жуть какая. Такое может подождать и до утра. Или до послезавтра. Или даже до послепослезавтра.

Я делаю еще один глоток прохладного вина и достаю смартфон.

Два новых сообщения. Пульс мгновенно учащается. Одно сообщение, разумеется, от Закке, который, как обычно, крутится в своем ночном баре, а второе от... папы. Пульс мгновенно приходит в норму.

Привет, Камилла. Я тут подумал, что мы совсем забыли про вакцинацию. На природе в это время года ужасно много клещей. Помнишь, как Амели, дочь Барбары, подруги Сюзи, заработала себе боррелиоз? Теперь она даже своего мальшиа поднять не может, ее тут же тошнит от переутомления. И выглядит она так, что краше в гроб кладут. Ты прошла вакцинацию? ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПОЗВОЛЯЙ КЛЕЩАМ КУСАТЬ ТЕБЯ! Домик-то хороший? / papa

Я вздохнула. Папа. Мой беспокойный папочка. Который постоянно готовится к худшему.

Издали донеслось уханье совы, и я еще острее ощутила собственное одиночество. Вот сижу я здесь, молодая, красивая, недавно тридцать лет исполнилось, пью вино и слушаю музыку, пока остальные оттягиваются по полной.

Трагедия?

Еще какая!

Я откладываю смартфон, самую малость прибавляю громкость у динамиков и делаю последний глоток из бокала. После чего откидываюсь на спинку плетеного стула и закрываю глаза.

* * *

Проснулась я от крика.

Во всяком случае, мне показалось, что это был крик. В летнем небе еще дрожит отголосок эха. Я резко выпрямилась на стуле и услышала, как сбоку от меня что-то хрустнуло. Мой винный бокал. Черт. Я растерянно огляделась. Я все еще в саду. Который час? Должно быть, уже полночь. Писклявый комар охотится за моей ногой. *Бог ты мой, пьянчужка заснула на диване.*

Я поднимаюсь со стула, стараясь не наступить на валяющиеся на садовой плитке осколки. Меня пошатывает, я оступаясь и попадаю босой ногой на холодную траву. Вокруг темно, но это летняя темнота. Я все еще могу различить небо, а если смотреть в сторону ведущей к пристани дороги, то можно увидеть море. Оно светится в тишине. Ни волн, ни ряби.

И тут я снова слышу этот крик. *Бенджи, нет!*

Кричит девушка. Судя по голосу, совсем юная. Я пытаюсь прийти в себя, хотя поначалу чувствую себя неспособной пошевелить даже пальцем.

Дьявол.

Что же делать?

Сказать по правде, я всегда боялась, что со мной произойдет нечто подобное. У меня совершенно нет гражданского мужества. Хотя я бы очень хотела его иметь. Человек *должен* быть храбрым и смелым. Все хорошие люди смелые. Но я панически боюсь конфликтов. Я просто розовая мечта любого мафиози, поскольку окажись я свидетелем какого-нибудь убийства, я бы только воскликнула: «Парни, считайте, что я ничего не видела!», после чего улыбнулась бы им своей самой преданной улыбкой и напоследок вылизала бы их туфли.

Бросив стул на газоне, я крадусь к двери моего домика. Открываю ее и, прошмыгнув внутрь, как можно тише закрываю ее за собой и запираю на замок. Какое-то время еще стою, прижавшись ухом к двери.

Пытаюсь сквозь тонкое дерево услышать, что происходит снаружи, хотя в глубине души надеюсь, что больше ничего не услышу. На ум приходят страшные слова. *Насильник. Серийный убийца.* Исчезни, умоляю. Пропади пропадом. Сгинь, сгинь.

Мой смартфон, кажется, остался в саду. И из динамиков на лужайке продолжает тихо литься музыка. Я слышу Марианну Фэйтфул «The morning sun touched lightly on the eyes of Lucy Jordan»³.

³ Утреннее солнце слегка коснулось глаз Люси Джордан (*англ.*).

Я нервно сглатываю.

Желая только, чтобы все это как можно скорее закончилось.

Но ведь другие соседи тоже должны были проснуться, верно? Так неужели никто из них не выйдет, чтобы убедиться, что все в порядке?

Но тут память услужливо подсовывает мне одно воспоминание.

Это произошло примерно месяц назад. В конце мая. Закке уговорил меня отлипнуть от дивана, принять душ и сходить с ним куда-нибудь выпить. Мы отправились в Фолькбарен на Хорнsgатан, где бокал кавы стоил всего 59 крон. Благодаря этому в тот вечер я не ограничилась одним бокалом, и когда мы с Закке расстались, обнявшись на прощание, был уже час ночи и меня довольно сильно пошатывало.

В ту ночь на Хорнsgатан было непривычно тихо, и только проходя мимо супермаркета на площади Бюсистерьет, я услышала, как у меня за спиной кто-то кашлянул. Какой-то мужчина. Когда я повернула голову, он шел за мной по улице, держась всего в паре шагов от меня.

На нем была толстовка с капюшоном, так что я едва могла разглядеть его лицо. Но я сразу поняла, что сейчас случится.

Я свернула на боковую улочку, и он за мной. Я снова свернула, и он повторил мой маневр. Я ускорила шаг и с ужасом поняла, что он тоже пошел быстрее.

Никогда прежде я не чувствовала себя в Стокгольме на-

столько неуютно. Может быть, потому, что прежде рядом со мной почти всегда был Данне. Но теперь я была одна. Совершенно одна.

Когда до моего дома на Бастугатан оставалось всего несколько метров, я рванула вперед. Вставила ключ в дверь подъезда и влетела внутрь. Едва дверь захлопнулась за моей спиной, как я увидела его лицо в зарешеченном окошечке. Наши взгляды встретились. Я никогда не забуду его глаза. Какими неумолимо темными они были. И пока эти глаза жадно глядели на меня – с той стороны двери, – я увидела и поняла все, что он хотел со мной сделать. И от этого понимания у меня чуть сердце не остановилось.

Я влетела в пустую квартиру, заперла дверь и, дрожа, забились в угол. Я знала, что теперь всю ночь не смогу заснуть. И хуже всего было то, что я знала, что Закке уже всю дрыхнет – как всегда, стоит ему прийти домой.

Так я и просидела всю ночь с телефоном в руке, таращась в телевизор и вздрагивая от каждого шороха. В ожидании, что кто-нибудь начнет дергать за ручку. Ломиться в дверь. Нашептывать мерзости с лестничной площадки. Но ничего этого не случилось. *Слава тебе, Господи.*

Крик снаружи заставляет меня вернуться в теплую летнюю ночь. Все тот же девичий голос, что и прежде. *Бенжи, перестань! Прекрати!*

Я готова разрыдаться. Но в то же время со мной что-то происходит. Возможно, все дело в моем воспоминании о той

майской ночи и в том чувстве безысходности от того, что никто, похоже, не видел, как он преследовал меня. Мое тело действует самостоятельно, не слушая доводов разума. В конце концов, мне необязательно нестись туда с перечным баллончиком на изготовку. Я могу, наверное, просто... посмотреть?

Я снова открываю дверь и выбираюсь на участок. Оглядываюсь в поисках чего-нибудь существенного. Оружие! Должна ли я взять с собой какое-нибудь оружие? Пожалуй, да. Я подбираю смартфон и следом отколотую ножку треснувшего бокала. После чего покидаю участок и, прикрыв за собой калитку, осторожно выхожу на дорогу. *Ты еще пожалеешь об этом, Силла. Папа просто убил бы тебя.*

Я добираюсь до магазина с темными окнами, который сам немногим больше дачного домика, и устремляюсь по дороге, которая ведет к гавани. Буллхольмен ночью кажется совершенно пустынным, даже в ночь праздника летнего солнцестояния. Но я слышу, как за стенами гостиницы грохочет музыка.

А потом вижу их.

Юную девушку в белом платье, которое сверкает в июньской ночи.

А позади нее парень в кепке. Похоже, ее ровесник.

Меня охватывает чувство облегчения.

Во всяком случае, она не лежит и не бьется где-нибудь в лесу, пытаясь вырваться из объятий насильника.

Я прячу отбитую ножку бокала за спину и делаю шаг в сторону, чтобы юная парочка не заметила меня. Укрываюсь за углом выкрашенного красной краской строения. Парень и девушка идут по дороге в сторону моря и, когда они добираются до причала, девушка останавливается. Она стремительно разворачивается, так что белокурые волосы разлетаются в стороны.

– Ты можешь перестать преследовать меня?

– Да, если ты перестанешь от меня убегать!

Какое-то время они стоят в тишине. Я едва осмеливаюсь дышать.

– Я ведь ничего с ней не делал, – уже более спокойным тоном произносит парень. – С какой стати мне интересоваться Иной?

– Меня это не волнует.

– Еще как волнует, иначе бы ты не убегала сейчас от меня!

– Я убегаю, потому что хочу побыть ОДНА. Можешь ты это понять?

– Я хочу поговорить с тобой, Карро. Ты слишком все драматизируешь. Но я... я люблю...

– Перестань. Никого ты не любишь. Уж меня точно. Я чертовски устала от твоего поведения. От тебя и твоих девок. Ты как животное. Ты животное, Бенжи!

Девушка снова взмахивает волосами и круто разворачивается. Она идет вдоль гавани, туда, где пристань заканчивается и волны набегают на скалы. Парень по имени Бенжи

остается стоять, растерянно почесывая шею.

– Карро, ну ты че! Ладно тебе!

– Завтра поговорим. Я иду купаться.

И вскоре девушка пропадает из виду. Я гляжу на парня, который стоит и зачем-то смотрит на небо. Мечтаю, чтобы он поскорее убрался отсюда и я смогла выбраться из укрытия и вернуться в свой новый домик. Наконец, он так и делает. Разворачивается и идет обратно к гостинице. А я в первый раз за последние несколько минут могу наконец спокойно перевести дыхание.

* * *

Короткое время спустя я уже лежала в своей новой постели. Она не такая мягкая, как у меня дома в квартире на Бастугатан. Впрочем, это даже постелью назвать трудно. Просто тонкий матрас, брошенный на пол чердака. Но и такое сгодится.

Перед тем как лечь, я проверила дверь. Несколько раз. Глупо, конечно. Ведь это обычная подростковая ссора. Ничего страшного. Но я по своей натуре очень пугливый человек. Так всегда было и, наверное, так и будет.

Прежде чем уснуть, я в последний раз проверила смартфон. Время 02:44. Никаких новых эсэмэсок. Зашла в мессенджер. Здесь подавно не оказалось новых сообщений. Я обновила страницу. И следом обновила еще раз. *О боже,*

Силла, с чего ты решила, что он тебе напишет – забудь.

Отложила смартфон в сторону и закрыла глаза.

Здесь со мной все будет хорошо.

Обними страх, Силла. Он твой друг.

Потихоньку все наладится.

Глава четвертая

Ночь праздника летнего солнцестояния

От удара она падает вперед, обдирая колени и ладони, которые тотчас же начинают кровоточить, как бывает, когда в детстве свалишься с велосипеда. Правда, Каролина уже не ребенок. Но ей все равно больно. Почти так же больно, как от дырки в голове.

Мир кружится вокруг нее, волосы на затылке обжигает чем-то горячим. Алая струя бежит по шее, стекает вниз на белое, купленное специально для этого вечера, платье. Потому что она хотела быть красивой.

Она ползет по острым камням, оборачивается и с ужасом глядит вверх.

– Что... что ты, черт побери, делаешь?

Она знает человека, который только что на нее напал. Но не понимает. Не понимает, почему это случилось. В ночном небе взрывается петарда, и в ее зеленом свете мелькает что-то острое и блестящее. Не нож и не топор, а... Эйфелева башня. Из стали. Дурацкая безделушка, купленная в какой-нибудь сувенирной лавочке Парижа. Ее она тоже узнает.

Каролина пятится назад. За спиной шумит море. Она спустилась сюда, чтобы искупаться. Чтобы протрезветь от холодной воды, а потом вернуться обратно на яхту и лечь спать.

Но не успела даже взобраться на скалы, как на нее напали, и затылок обожгло так сильно, что ее чуть не вырвало.

Локти саднит, но у нее нет выбора. Она должна убраться прочь от человека с Эйфелевой башней. Но что она станет делать, когда доберется до края скалы? Бросится вниз, в Балтийское море? И поплывет, оставив все позади?

Но не успевает она додумать эту мысль до конца, как преследователь хватает ее за ногу. Она чувствует, как что-то завязывается узлом вокруг ее лодыжки. Веревка? Паника захлестывает ее, страх наполняет грудь, словно ветер парус. *Неужели я сейчас умру?*

– Что ты делаешь? Перестань! Нет, нет!

Но человек решительно завязывает веревку на ее ноге. Крепко. И в этот момент Каролина видит, к чему привязан второй конец веревки. К большой прозрачной канистре для воды. Емкостью десять литров. В таких ведрах моряки переносят и хранят питьевую воду, когда швартуются в какой-нибудь глуши, где нет жилья. Канистра доверху заполнена чем-то непонятным. *О боже, неужели это бензин? Неужели я сгорю заживо?*

Слезы текут по щекам Каролины, когда она мысленно видит себя окруженной языками пламени. Представляет, как лопается и шипит ее бледная кожа, словно колбасная шкурка на гриле. Голова раскалывается от боли, кровь толчками вытекает из разбитых ладоней. Ей едва удастся выговаривать слова.

– У... умоляю. Не надо!

Человек берется за канистру и принимается толкать ее к ближайшему обрыву над морем. Содержимое канистры громко плещется внутри. Может, это всего лишь вода? Десять литров воды.

У самого края скалы канистра останавливается. И в тот же миг шею Каролины сжимает рука. Ее горячие слезы текут по пальцам мучителя.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Дыхание Каролины становится прерывистым.

– Так как? Совсем ничего?

Каролина делает над собой усилие. У нее *должно* получиться. Она не понимает, зачем она должна это сказать, но ничего другого ей на ум сейчас не приходит. Только это может спасти ее.

– Прости... прости меня.

Человек улыбается, но отвязывать ее не спешит.

– Поздно. Слишком поздно.

Каролина получает в грудь пинок такой силы, что слетает со скалы, увлекая за собой канистру.

Море поглощает ее. Тяжелая канистра быстро идет ко дну, веревка натягивается и тащит тело Каролины следом. Каролина в панике бьет свободной ногой, пытается рассечь воду руками, но большая канистра не дает ей всплыть.

В ушах шумит, солоноватая вода попадает ей в рот и даль-

ше в глотку. Душит ее. Она кашляет, кашляет, но ничего не слышно. Она очутилась в мире, где нет звуков. Белокурые волосы развеваются над ее головой, словно щупальца морского чудовища, и призрачный свет подводного мира постепенно меркнет перед ее глазами. Легкие вот-вот взорвутся.

А потом Каролина Аксен умирает.

Глава пятая

Праздник летнего солнцестояния

Разбудил меня громкий стук. Прошло несколько минут, прежде чем я поняла, что уже не сплю. Где это я? Дома в Сёдермальме? А за окном, как обычно, бренчит и гроыхает мусоровоз?

Нет, кто-то стучится в дверь. Я резко сажусь на постели и ударяюсь головой о низкий потолок. АЙ, БОЛЬНО, ДЬЯВОЛ ТЕБЯ ПОДЕРИ!!! Чердак, отныне я сплю на чердаке под самой крышей. Не забыть бы. Стук внизу между тем не утихает, так что я поспешно спускаюсь по лестнице и в последний момент понимаю, что кроме трусов на мне ничего нет. Накидываю мой любимый шелковый халат – предмет одежды, который за последние месяцы стал самым близким свидетелем моих страданий. После чего подлетаю к двери и распахиваю ее.

– О, вот и вы! Камилла, верно?

Перед дверью стоит пожилая женщина. Небольшого такого росточка, со светлыми, почти белыми волосами, одетая в широченную бирюзовую тунику, которая доходит ей чуть ли не до пят.

– Э... да?

– Розы! Я Розы – ваша соседка справа.

Она показывает рукой на соседский сад. От моего его отделяет лишь низенький заборчик, который едва достает нам до талии. Я протягиваю женщине руку.

– Здравствуйте, меня зовут Силла.

– Но на самом деле вы Камилла?

– Да, точно.

– Замечательно! Предыдущая владелица рассказала мне, что вы скоро приедете и что вас зовут Камилла. Должна же я была убедиться, что все так и есть. Мы с Анитой были довольно близки.

Я вытираю слезящиеся со сна глаза, надеясь, что пожилая женщина не слишком расстроена тем, что ее лучшая подруга съехала и на ее место заявила тридцатилетняя. Я видела Аниту один-единственный раз на Центральном вокзале, когда она передавала мне ключи. Стильная женщина, ничего не скажешь – красный пиджак и черное каре. Она так тихо говорила, что приходилось очень близко к ней наклоняться и изо всех сил напрягать слух, чтобы ничего не упустить. Наверное, она очень застенчивая или просто все время насто-роже. Как и я.

– Мне очень жаль, что она отсюда уехала, – говорю я.

– Ой да ладно! Что есть то есть. Она владела этим участком почти тридцать лет. Должно быть, просто решила, что пора оставить пеларгонии в покое и вместо этого почаще ходить в кино.

Рози улыбается. Я же краем глаза кошусь на одну из мо-

их клумб – над комковатой землей бесцветными высохшими трупиками красуются поникшие цветы. Надо как можно скорее взяться за них. И вообще, прибраться все здесь. Почистить. Показать себя умелым садоводом-огородником. Пусть даже я слабо представляю себе, как выглядит эта самая пеларгония. И как надо за ней ухаживать.

– Вы всегда спите допоздна? – интересуется Роза.

– Э... а который час?

– Половина двенадцатого.

– Ох ты боже мой! Вообще-то я так долго не сплю, но вчера долго не могла уснуть... Чаше всего я встаю в...

Но Роза тут же меня перебивает.

– Чепуха! Мне-то что, спите сколько хотите. Я просто хотела разбудить вас, чтобы вы узнали, что происходит.

Я наморщиваю лоб. Дьявол. Я что-то пропустила? Какой-нибудь субботник или нечто в этом роде? Ежегодную булльхольменскую блошиную ярмарку? И теперь все дачники меня за это ненавидят? И собираются вышвырнуть меня прочь из своего кооператива? Я чувствую, как начинаю усиленно потеть под своим халатом.

– Простите, что я пропустила?

И тут Роза наклоняется ко мне. От нее пахнет кофе. Почти шепотом она произносит:

– Случилось нечто ужасное.

Я чувствую, что уже совсем ничего не понимаю. Только качаю головой.

– Что вы имеете в виду?

– На той стороне Буллхольмена найдена мертвая молодая девушка.

– Здесь? На острове?

– Точно. Ее нашли рано утром, так что, судя по всему, она умерла ночью. Очевидно, это была одна из устричных невест.

Я тупо таращусь на Розу. Такое чувство, что она забросила меня в темную пещеру, из которой я сама без веревки и карманного фонарика должна найти выход.

– Устричных...

– Ох, простите, порой я несу такой бред. Водится за мной такой грешок. Вы мне иногда говорите, чтобы я заткнулась. Ей-богу, я совершенно не обижусь. Устричными невестами мы обычно зовем всех этих богатеньких девочек из гавани. Подростки, которые каждый год с семьями приезжают сюда на лето. У них такие вычурные яхты, а по ночам они в основном ругаются.

– А. Понятно.

– И теперь одна из них мертва. Ну разве это не ужасно?

– Да, конечно, но...

– Девятнадцать лет. Представляете? Жизнь едва началась. Да еще в такой праздник. Прямо как в настоящем фильме ужасов. Аж мурашки по коже! Родные убиты горем. Впрочем, такое может случиться с *каждым* и...

Слова Розы в моих ушах превращаются в мешанину из

звуков. Я чувствую, как живот скручивается в тугий узел. Похожее чувство бывает по утрам, когда опаздываешь на работу и второпях глотаешь одну чашку кофе за другой. Мне приходится зажать руками рот, чтобы меня не вывернуло наизнанку. Розы с любопытством наблюдает за мной.

– Что это с вами?

– Молодая девушка, – говорю я. – Я видела...

И в ту же секунду в голове всплывает ее образ. Белое платье, развевающиеся на ветру белокурые волосы, словно рой светлых комаров летней ночью. И молодой парень, зовущий ее по имени.

– Ее звали Карро? – спрашиваю я.

Глаза Розы сузились.

– Верно. Ее звали Каролиной. Каролиной Аксен. Девушка из высшего общества.

Тут старушка сделала шаг назад, словно только сейчас поняла, что, возможно, ведет себя слишком напористо.

– Вы ее знали? – спросила она.

Я покачала головой.

– Нет. Но думаю, я видела ее сегодня ночью.

* * *

Новый день столь же прекрасен, как и вчерашний. Солнце высоко стоит в дымчато-голубом небе и припекает мне лицо. Когда Розы поняла, что я все равно уже многое пропустила,

она велела мне вернуться в дом и переодеться, пока она пойдет и сварит кофе. Пять минут спустя мы встретились с ней на проселочной дороге. В руках она держала два больших пластиковых стаканчика кофе с молоком, и, отпив по глотку, мы взяли курс на гавань. Со стороны можно было подумать, что мы давнишние приятельницы, идем себе, гуляем. На деле же меня так трясло, что я не могла вымолвить ни слова.

Когда мы подошли поближе, то увидели людей, которые стояли большими группами на причале и разговаривали. У меня же было такое чувство, словно я сплю и это все мне снится. Но все же я была благодарна своей новоявленной соседке, что она взяла на себя труд ввести меня в курс дела.

– Ее нашли сегодня утром несколько купальщиков. Гости одного из наших дачников.

– Каролину?

– Да. Рано утром, около семи, я думаю. На той стороне острова, как я уже сказала.

Ранние пташки, скажу я вам, эти купальщики. И эти ранние пташки постоянно делают мрачные находки вроде этой. Владельцы собак и прочий народ. Опасно иметь домашних животных, вот что я думаю.

– Где они ее нашли?

– У скал для ныряния на той стороне острова. Примерно в километре отсюда. Ее обнаружили на дне.

– О боже. Прямо-таки на дне? Она не всплыла?

– Нет.

– Выходит, захлебнулась?

Рози резко останавливается. Пристально смотрит мне в глаза. И шепотом произносит:

– Камилла...

– Силла. Зовите меня просто Силла.

– Силла, никому об этом не говорите. Пусть это останется между нами. Так вот, фру Ларссон, одна из купальщиц, которые ее обнаружили, она моя соседка. И я слышала, как она разговаривала сегодня утром со своим мужем. Она была в полном замешательстве.

– Ага...

– И я слышала, как она сказала, что к ноге Каролины был привязан груз. Полная канистра с водой. Понимаете? Выходит, ее утопили.

Стоило ей произнести эти слова, как я поняла, что мне очень трудно сосредоточить взгляд на лице Рози. Все, что я вижу, это белокурые волосы на ночном ветру. Молодая девушка. Утоплена в море. Такое даже представить себе нельзя. Соленая вода в глотке, замешательство, паника. Я вздрагиваю.

– Да, это ужасно, – говорит Рози. – Здесь, на Буллхольмене. На нашем милом уютном островке. Но должна тебе сказать, Силла, это уже не в первый раз.

– Как это? Хотите сказать, что *здесь* уже случилось нечто подобное?

Рози качает головой, и мы снова трогаемся с места в сто-

рону причала. Я делаю глоток горячего кофе. Надеюсь, что чуточка кофеина сможет пробудить меня от этого странного утра. Получается так себе.

– Двадцать лет назад один мужчина прострелил своей же не голову, – говорит Роза. – Произошло это еще до моего появления здесь, но слухи об этом до сих пор ходят. А десять лет назад приключилась вот такая штука. Погибла маленькая девочка, здесь, в шахтах на острове. Я точно не помню, как это случилось. Какая-то детская ссора или вроде того. Но как бы то ни было, она умерла.

– Боже мой.

– Ага. А ты ведь из Стокгольма, верно?

Я киваю.

– И наверняка думала, что сменила шум большого города на тихую жизнь в глуши?

Я снова киваю.

– Представь себе, я тоже так когда-то думала. А потом поняла, что именно здесь, в глуши, и происходят по-настоящему дикие вещи.

Роза театрально подмигивает мне, после чего берет меня за локоток и ведет по направлению к собравшимся на причале людям.

– Куда это мы? – спрашиваю я.

– К полиции.

Я останавливаюсь как вкопанная.

– К полиции?!

– Ну да, ты же сама сказала, что видела ее. Ну, в смысле, Каролину. Сегодня ночью. Выходит, ты свидетель и должна дать показания.

– Да, но... я не знаю... что я должна говор...

– АДАМ!

Крик Розы заставил меня подпрыгнуть на месте. Чуть дальше на причале, деревянным полукругом опоясывающем покачивающиеся на воде лодки и яхты, я увидела молодого человека, который обернулся и замахал нам рукой. Когда мы подошли ближе, я увидела, что он одет в темно-синий костюм. Сшитый точно по фигуре. На носу круглые очки от солнца. Если это полиция, то парень не слишком-то похож на полицейского. Скорее на человека, который много чего знает о последней осенней коллекции от «Армани». На ногах у незнакомца были коричневые кожаные туфли, а под пиджаком – рубашка столь же ослепительной белизны, что и барашки на волнах, которые катились в гавань. Рядом с ним стояла женщина лет сорока с длинными волосами, собранными в хвост. Вот *она* как раз выглядела так, как будто работает в полиции.

– Адам, это Силла, – обратилась Роза к парню. – Она только что сюда переехала. Купила садовый участок рядом с моим. Ну, ты знаешь, тот, с зеленым домиком.

– Знаю. Очень приятно познакомиться, Силла. Меня зовут Адам Энгстрём. Я инспектор полиции муниципального округа Нака.

И он протянул мне руку. На ощупь она оказалась горячей. Не потной, а именно горячей. Я улыбнулась и кивнула в ответ.

– А это моя коллега.

Он повернулся к стоящей рядом с ним женщине, и она тоже пожала мне руку.

– Привет, я Тилли, сотрудник полиции.

– Очень приятно.

Тилли отошла в сторону, чтобы переговорить с кем-то из жителей острова, а Роза наклонилась к Адаму.

– Видишь ли, Силла хочет поговорить с тобой.

– Понимаю. Ужасно приятно было с вами познакомиться, Силла. Надеюсь, вам здесь понравится. Но сейчас я немного занят, мама.

Я наморщиваю лоб. *Мама?* Я перевожу взгляд на Розу, которой, судя по всему, абсолютно плевать на то, что сказал Адам.

– На самом деле у нас есть важная информация, – заговорщическим тоном сообщает она.

– Мама, я ужасно благодарен тебе за твое неизменное участие, но должен попросить тебя...

– Силла видела ее.

Адам замолкает, и его взгляд перемещается с Розы на меня.

– Видели?

– Да, – киваю я. – Видела.

– Кого?

– Каролину.

Глава шестая

Мы сидим у Розы в саду. Он куда более ухожен, чем мой. Заборчик выкрашен в желтый цвет, и по деревянным планкам карабкаются красные розы и фиолетовые цветы, которые я даже не знаю, как называются. Стройными рядами выстроились кусты томатов. Прежде чем усесться за круглый плетеный столик, Розы сообщила мне, что прямо сейчас у нее на участке растет двадцать сортов томатов. *Двадцать!* Я-то думала, что есть обычные помидоры и помидорки черри. А их, оказывается, существует тысячи сортов. Розы призналась мне, что мечтает однажды поехать в томатное турне по Италии и посетить тамошние плантации.

На столике кофейник в соломенной оплетке, несколько чашек и поднос с пшеничными булочками, обсыпанными маком (из Буллхольменской пекарни), а еще мисочка с творожным сыром и банка ежевичного джема. Позавтракать я еще не успела, поэтому с благодарностью беру булочку, разрезаю ее пополам хлебным ножом и принимаюсь намазывать сыром и джемом.

– Очень признателен вам за то, что нашли время поговорить со мной, – произносит сидящий напротив меня Адам.

Я улыбаюсь ему и жадно откусываю кусок от бутерброда. Боже, *как вкусно!*

После того как мы с Розы заявили на пристань и я рас-

сказала, что видела Каролину этой ночью, было решено, что через полчаса он заглянет к своей маме на участок. Вполне достаточно времени для того, чтобы Роза успела сварить кофе и собрать на стол.

Должна сказать, что я была немало удивлена тем, что эти двое – мать и сын. Во всяком случае, по своей манере одеваться они больше смахивали на людей, выросших в двух совершенно разных мирах. Сынок как будто выпал из какого-нибудь рекламного ролика с Джорджем Клуни, матушка же выглядела так, словно ее подобрали на распродаже «Гудрун Шоден»⁴. Но стоило немного послушать их разговор, как можно было уловить похожую скрипучесть в голосе. И заметить одинаково большие, с любопытством глядящие на мир глаза.

– И так, мама упомянула, что вы только что переехали? – спрашивает Адам.

– Да, точно, – говорю я. – Только вчера сюда приехала.

– Вчера? Ясно. Сожалею, что Буллхольмен не сумел предложить вам ничего лучше. Чужая смерть – плохое начало... Потому что обычно здесь очень спокойно.

– Ну, как сказать, – фыркает Роза за его спиной.

– Я говорю в общем, мама. И кстати, не могла бы ты быть столь любезна и оставить нас ненадолго, чтобы мы могли спокойно поговорить?

⁴ Известный шведский бренд, выпускающий довольно экстравагантную и причудливую одежду в этническом стиле.

Рози обиженно поджала губы.

– Разумеется. Ведь я всего-навсего сдала тебе с рук на руки ценного свидетеля. И приготовила завтрак. А теперь только мешаюсь под ногами.

Она взяла со стола чашку кофе и с обиженным видом поплелась к домику. Адам улыбнулся.

– Вы должны ее извинить. Моя мама лидер по БУЧВ.

– БУЧВ?

– Боязнь упустить что-то важное. Ну, вы, наверное, знаете, это когда человек постоянно боится не оказаться в нужном месте в нужное время.

– Ага. Понимаю. Но если честно, сама я предпочла бы оказаться в стороне от случившегося.

Адам повел головой.

– Понимаю. Смерть никогда не бывает приятной.

– И все-таки вы регулярно сталкиваетесь с ней?

– Гм-м. Должно быть, плохой попался консультант по трудоустройству в школе. Надо было делать ставку на создание мобильных приложений. По крайней мере, сколотил бы себе состояние.

Я засмеялась и глотнула кофе. Полицейский с чувством юмора. Я-то думала, что полицейские только и делают, что попивают в одиночку виски у темной барной стойки, а при виде свежего трупа смачно тянут: «Фу-ты, черт». Но Адам совершенно не вписывался в этот образ. И к тому же на нем костюм. Я-то думала, что полицейские всегда носят форму.

– Ясно, – говорю я. – Так вы, значит... полицейский? Только без полицейской одежды?

Он улыбается. А у меня в голове возникает заманчивая картинка... И тут же внутри что-то екает. *Без полицейской одежды.* Я же именно так сказала, верно? Я ведь не сказала *без одежды?* Я испуганно сглатываю. Адам снял свой темно-синий пиджак, повесил его на спинку стула и теперь сидит в одной ослепительно-белой рубашке. Из нагрудного кармана свешиваются солнечные очки на дужке. Верхняя пуговица рубашки расстегнута. Одна половинка воротничка отогнулась в сторону, чуть обнажая коричневую от загара грудь, но я стараюсь туда не смотреть.

– Я в основном руковожу делами из конторы, поэтому так одет. – Он окидывает взглядом свой прикид, потом пожимает плечами. – И я там уже восемь лет, так что они, наверное, начали привыкать к моему... стилю.

– Понимаю. У вас интересная работа?

– Иногда очень интересная. А порой сплошные бумажки.

– Это когда люди не умирают, да?

– Точно. Тогда все летит в тартарары. Вообще же самые частые преступления здесь, в шхерах, – это кражи и крушение судов. И неважно, что говорит по этому поводу мама.

– ХА-ХА!

Я смеюсь преувеличенным, нервным смехом. Отчасти потому, что Адам в моей голове по-прежнему остается без костюма, а отчасти потому, что волнуюсь.

За всю мою жизнь я еще ни разу не сидела так близко к полицейскому. Ведь он здесь только для того, чтобы взять свидетельские показания, верно? Не то чтобы у меня были поводы для беспокойства... Но ведь у каждого есть свои скелеты в шкафу, так ведь? Например, когда мне было одиннадцать, я сперла из супермаркета упаковку теста для имбирного печенья. В те годы я обожала тесто даже больше, чем само печенье. Еще как-то раз я выбросила счета за радио, а потом утверждала, что не получала их. А однажды я даже отправила выдуманную жалобу в «Эстреллу» – якобы я нашла в их упаковке с сырными чипсами дохлого жука, и спустя неделю к моему порогу доставили тридцать упаковок чипсов. И хотя мне было очень стыдно, я все их съела. А однажды...

– А вы сами-то кем работаете? – интересуется Адам. – Силла...

– Сторм. Силла Сторм. Я журналистка.

Кажется, эта новость его малость позабавила. Он положил на стол между нами маленький диктофон.

– Хм. Вот оно как. Значит, вы в какой-то мере тоже исследованиями занимаетесь?

– Да, можно и так сказать. Но в основном любовные истории и скандальные разводы.

– А в какой газете?

– «Шанс». Вот уж не знаю, знакома ли она вам...

– А, ну да. «Шанс». Лежит в каждой парикмахерской на

столе, верно?

– ХА-ХА! Точно!

Боже мой, успокойся.

– Если бы не парикмахерские, мы бы уже давно закрылись, – сострила я.

Он улыбается. Интересно, сколько ему лет. Скорее всего, он на несколько лет старше меня. Волосы черные, как патока, и зачесаны назад в стиле пятидесятых. И сам он больше смахивает на комиссара полиции из какого-нибудь детектива 50-х годов. Среди полицейских Наки он, должно быть, выделяется, как флакон «Аква ди Парма» среди дезодорантов от Ахе.

– Но сейчас я перешла на полставки, – говорю я. – Летом буду работать отсюда.

– Звучит здорово, Силла.

– М-м. Надеюсь на это.

Мне всегда казалось, что стоит чужому человеку произнести твое имя, как в теле зарождается особое чувство. Есть в этом моменте что-то волшебное. Особенно когда это делает мужчина. Мужчина твоего возраста. Который в придачу расследует убийства в темно-синем деловом костюме.

– Как насчет того, чтобы перейти к делу? – спрашивает Адам.

– Да, точно. К делу. Об убийстве.

Адам вскидывает на меня глаза. Внезапно его взгляд обретает серьезность.

– Кто вам сказал, что речь идет об убийстве?

– Иначе мы бы здесь не сидели, верно?

Он ненадолго замолкает. Потом откашливается.

– Давайте поговорим о Каролине Аксен.

И совершенно другого рода ощущения появляются, когда кто-то упоминает при тебе имя человека, который только что расстался с жизнью.

Я рассказала Адаму о том, что произошло ночью. В каком часу проснулась, что услышала, каким путем двинулась по проселочной дороге и что увидела. Рассказала все, что смогла вспомнить, несмотря на то, что случившееся больше похоже на сон. Ее белая одежда, белокурые волосы и то, как она кричала парню по имени Бенжи, чтобы он оставил ее в покое. По ходу моего рассказа Адам делал пометки в своем крохотном блокноте. Закончив, я схватила еще одну булочку из корзинки. *После дачи свидетельских показаний чувствуешь зверский голод.*

– У вас есть какие-нибудь зацепки? – спрашиваю я Адама.

– Зацепки?

Ой-ой. Какой глупый вопрос. Я пробую улыбнуться как можно более беззаботно, что, возможно, не совсем вяжется с «Ита-а-ак, вы знаете, кто ее убил?».

– На данный момент я не могу разглашать подробности. Мы даже в прессу еще не сообщили. Но...

Видно, что он колеблется.

– Мы арестовали одного человека, это верно.

Я откусываю от булочки и тут же понимаю, о ком идет речь. В голове всплывает картинка. Кепка козырьком назад и сигарета в руке. Сваливающиеся с задницы джинсы. И как он бежал за ней, размахивая руками, двигаясь в своей раскованной подростковой манере.

– Бойфренд? – спрашиваю я.

Адам не отвечает, только молча делает пометки в своем блокноте.

– Какой-то там Бенжи, да?

Адам удивленно смотрит на меня.

– Вы знаете этого молодого человека?

– Просто она называла его Бенжи. Должно быть, его полное имя Бенжамин.

– Я буду очень вам благодарен, если вы не станете рассказывать о нем своим знакомым. Сейчас не могу ничего подтвердить или опровергнуть.

Я кивнула. Наверное, это очень трудно – быть полицейским. Даже нельзя толком поговорить с родными и близкими о том, что случилось за день. Как журналист желтой прессы я работаю несколько иначе. *Две тысячи слов через час! Как материалчик, подходит? Черт возьми, дедлайн есть дедлайн!*

– А вы знаете... *когда* Каролина умерла?

– Это станет известно после вскрытия. Во всяком случае, мы ждем отчета экспертов. Но в последний раз она была замечена вчера около половины двенадцатого.

– Кем же?

– Вами, Силла.

Адам серьезно смотрит на меня. Кусок булки чуть не застревает у меня в горле.

– Погодите-ка... выходит, я *последняя*, кто видел ее в живых?

– Насколько я знаю, да.

Адам ненадолго замолкает и делает глоток кофе.

– И вы, выходит, думаете, что виновен ее бойфренд?

– Выходит...

– К сожалению, такое сплошь и рядом бывает, что самое очевидное объяснение оказывается верным, – восклицает Роза за моей спиной.

Она вернулась и теперь пытается надеть солнечные очки, на которые она, судя по вывернутым дужкам, не раз садилась. *Как, скажите на милость, эта женщина может приходить к материю тому мужчине, что сидит напротив меня?*

– Мама...

– Я просто говорю, что я думаю, Адам, – продолжает Роза. – Я не полицейский, мне не нужно держать язык за зубами, подтверждать или опровергать. Силла *видела*, как они кричали друг на друга. Возможно, Каролина и Бенжамин...

– Прошу, никаких имен!

– Прости, возможно, X и Y имели бурные отношения! А то, что мужчины бывают иногда жестокими, вовсе никакая

не новость. И неважно, сколько им лет. Или ты не согласен?

Адам вздыхает. А мне на долю секунды вспомнился Данне. Это просто неслыханная удача, что в итоге он вызвал фургон для перевозки вещей и в один прекрасный день просто покинул меня, а не стал привязывать к моей ноге полную канистру и сбрасывать меня в какой-нибудь из стокгольмских водоемов. Я мысленно представила себе вчерашнюю юную пару. Я стояла чуть в стороне. Могла ли я что-нибудь сделать? Должна ли я была вмешаться? И помогло бы мое вмешательство избежать убийства?

При этой мысли у меня в горле встает большой комок.

Адам бросает взгляд на свой мобильный.

– Ладно, мне пора возвращаться на континент. «Серебряная стрела» отходит от берега через четверть часа. Мне нужно кое с кем встретиться.

– С семьей Бенж... бойфренда? – спрашиваю я.

Адам бросает на меня веселый взгляд.

– А вы любопытны, Силла Сорм.

– Вы уже разговаривали с семьей Каролины?

Адам кивнул и встал из-за стола.

– Не самые приятные моменты в моей работе.

– Понимаю.

– Но как бы то ни было – рад знакомству, Силла.

Он протянул мне руку, и я, поднявшись, пожала ее. И тут же отметила, какая большая у него ладонь – моя ладошка утонула в ней, как в хоккейной перчатке.

– Думаю, мы еще увидимся. И спасибо за свидетельские показания. Они действительно очень ценны. Вот моя визитная карточка на случай, если еще что-нибудь вспомните.

Я кивнула и взяла карточку.

– И удачи на садовом участке.

– Спасибо. Похоже, она мне понадобится.

Адам допил последние капли кофе из своей чашки с таким видом, словно это субботняя текила, после чего сообщил маме, что ему пора уезжать. Рози подошла к нему, поцеловала в щеку и попросила как можно скорее возвращаться обратно.

– И было бы, конечно, куда приятнее, если бы ты навестил нас просто так, без трупа за пазухой.

– Буду стараться, мама.

Адам стремительным шагом прошел через сад, отворил скрипучую калитку и, помахав нам рукой на прощание, зашагал по дороге к гавани. Вскоре густые кусты и деревья скрыли его из виду. Рози опустилась на освободившийся стул. Какое-то время мы молча сидели друг напротив друга.

Слегка нервозная атмосфера допроса покинула сад, и остались только щебет птиц и шелест ветра в листве.

– Какой милый у вас сын, – произношу я наконец.

– Да, настоящее сокровище. Думает, что я слишком много сую свой нос куда не надо. Но ведь у него такая увлекательная работа! – Рози мечтательно качает головой, и длинные сережки в ее ушах покачиваются в такт, поблескивая в сол-

нечном свете. – Если учесть, что сама я всю жизнь простояла за рыбным прилавком.

– Что, никаких убийств, да? – поддеваю ее я.

– Самое большое зверство, с которым приходилось иметь дело, это резать лососину.

Я смеюсь и почесываю взмокшую шею. Денек выдался жаркий, и теперь уже нет никаких сомнений, что лето официально вступило в свои права. Пришло, чтобы остаться.

– Еще кофе? – спрашивает Роза.

– Спасибо, с удовольствием.

Мы еще долго сидим в саду. Я и моя новая соседка по Булльхольменскому дачному поселку. Пьем кофе, едим еще по булочке с ежевичным вареньем, болтаем и просто наслаждаемся жизнью с мыслью о том, что это явно не та вещь, которую можно воспринимать как данность. Больше всего я рада тому, что мне не приходится быть одной после того, что случилось на острове.

Я только что дала мои первые в жизни свидетельские показания. Честно скажу – никогда не думала, что мне придется делать нечто подобное. Я едва не краснею, когда думаю о том, что сказал мне Адам. *А вы любопытны.* И он, без сомнения, прав. Я действительно очень любопытна. Это моя работа. И потом я должна признать, что это так интересно – всякие там интриги. Драмы. В «Шансе» есть рубрика, посвященная криминальным событиям прошлого, чаще всего из истории Англии 80-х годов. Ее ведет у нас шведско-фин-

ский фрилансер Марга. И я всегда с бьющимся сердцем читаю ее статьи. Наверное, потому, что она очень захватывающе пишет. Но иметь такую работу как у Адама – *по-настоящему* расследовать преступления – на такое я бы никогда не отважилась. Уф-ф.

А как же тогда ему удастся, спрашиваю я себя. Что вообще заставляет человека стать полицейским? Все дело во врожденном чувстве справедливости? Или желании помогать? Или это такой способ дать выход живущему внутри тебя искателю приключений? А возможно, все дело лишь в его плечах. *У него ужасно широкие плечи*. О боже, я рассуждаю, как мои любимые героини дамских романов, из-за которых Закке постоянно насмехается надо мной. Но серьезно: если у человека такие широкие плечи, то, быть может, полицейский или пожарный – это единственные подходящие для него профессии? Потому что, на мой взгляд, это чистое расточительство – посылать таких типчиков на работу, скажем, в Пенсионный фонд.

Я фыркаю и вдруг замечаю, что Роза пристально глядит на меня.

– Над чем ты смеешься?

– Что? Да нет, ни над чем.

Я быстро встряхиваю головой, чтобы перевести мысли в другое русло. Нельзя сидеть рядом с Розой и думать о плечах. Я должна думать о том, что сейчас действительно важно – о Каролине.

Пока я пила кофе, в голове всплыла еще одна картинка. Ее тело, как оно медленно колыхнется под водой, словно морской призрак. Еще я думаю о Бенжамине. Как он прямо сейчас сидит в полицейском участке Наки, подозреваемый в том, что утопил ее. Тот парень в кепке, которого я видела ночью. Совершенно обычный юноша девятнадцати лет. Наверняка такой же, как и все остальные в его возрасте. Любит музыку, играет в футбол и ржет над неприличными шутками в компании своих приятелей. А когда не спится, бесцельно бродит по просторам «Ютуба».

А потом я думаю о том, как Каролина оставила его ночью, там, на дороге. И как вместо того, чтобы последовать за ней, он направился обратно к гостинице. Совершенно в другую сторону.

Глава седьмая

Ина Леандер жила в усадьбе, смахивающей на старинный дом с привидениями. Ее родители приобрели имение больше двадцати лет назад, еще до того, как на Буллхольмене построили гавань и на острове стали появляться летние туристы.

Дом был высотой в три этажа, выкрашен в белый цвет и с мраморными колоннами у входа. Когда семья Леандеров туда переехала, усадьба считалась объектом, подлежащим капитальному ремонту. И, честно сказать, до сих пор им считается. Мама Ины, Луиза Леандер, обожает ремонты и прочие проекты. И это был далеко не первый и не последний дом, который она купила в своей жизни. Вначале ее планы всегда выглядели грандиозными. Снести, отстроить заново, отделать, обставить. Но когда договор купли-продажи оказывался подписан, а временная мебель перевезена на новое место, интерес постепенно начинал затухать. И вскоре Луиза Леандер находила новый объект, подлежащий реновации.

Усадьбой на Буллхольмене было удобно пользоваться все эти годы. В этом не было никаких сомнений. В то время как родители Ининых друзей платили за каждую ночь простоя яхт в гавани острова, у Ины и ее семьи имелась отдельная бухта рядом с домом, где можно было побыть одному и хорошенько отдохнуть или же закатить хорошую вечеринку. Все

зависело от настроения. А поскольку дом все-таки был довольно ветхим, то не надо было бояться, что что-нибудь в нем сломается или испачкается.

Но Луиза с семьей приезжала сюда лишь в начале лета, а так дом по большей части пустовал. Время от времени то одна, то другая семья снимала его на несколько месяцев, после чего в дом являлась уборщица и вычищала все до блеска. И все равно каждый год в июне, когда в замке поворачивали ключ, дом вызывал щемящее чувство тоски. Дом пах пылью. Пах одиночеством и запустением.

Раньше Ина никогда не бывала здесь одна. Ей этого не хотелось. Луиза и ее муж Йоран несколько раз приезжали сюда без Ины, когда хотели устроить себе романтический осенний уикенд. Они жгли костер, выпивали по несколько бокалов «Амароне», а потом засыпали, опьяневшие, под шум ноябрьских волн, бьющихся о скалы.

Но неделю назад Ина Леандер решила самостоятельно наведаться на Буллхольмен. И неважно, что ей всего девятнадцать лет – неужели она не сможет прожить неделю или две в доме, который знает как свои пять пальцев? У Луизы и Йорана на этот счет имелись большие сомнения. *Тебе в самом деле так хочется побыть одной на Буллхольмене? Почему бы тебе не поехать с нами в Дубай, милая? Неужели ты не побоишься спать одна в таком большом доме?*

Разумеется, Дубай это здорово. Впрочем, даже не будь это так здорово, у Ины все равно оставались два сезона амери-

канского реалити-шоу «*Сестры Кардашьян*», которых она еще не видела. Она никогда не устанет смотреть, как армянские сестры пьют холодный чай из «Старбакса» и поедают салаты в своем доме стоимостью в сто миллионов.

Но Ина твердо решила. В этом году праздник летнего солнцестояния она встретит на Булхольмене. Впрочем, причина ее решения была всего одна. И называлась она Бенжамин Хамрен.

В интернет-блоге Каролины Ина прочла, что та будет отмечать праздник вместе со своей семьей и яхтой на Булхольмене. А если Каролина там будет, то и Бенжамин тоже. Это уж как пить дать.

Теплый летний дождик стучит по стеклам окна в кухне. Ина сидит над кружкой с горячим чаем, и от поднимающегося вверх пара с ее ресниц начинает течь тушь, но ей плевать, что она выглядит как енот. Ведь в ее голове столько мыслей. Она приехала на этот остров, имея при себе план. Но потом все полетело к черту.

Потому что этой ночью убили ее лучшую подругу детства. А сегодня утром полиция арестовала парня, которого она любит с пятнадцати лет.

Ина делает глоток горячего чая и обжигает себе горло.

Перед ней на пыльном кухонном столе лежит ее айфон (в чехольчике в виде баклажана) и фотоальбом. Мама так и не позвонила. Должно быть, в Дубае не нашлось достаточно хорошего вайфая, чтобы она смогла прочесть новости и узнать,

что некая девятнадцатилетняя девушка найдена мертвой на Буллхольмене. А то бы непременно подавилась трубкой от кальяна.

Ина должна отправить ей эсэмэску и сообщить, что с ней все хорошо. Должна рассказать. Но она не может. Потому что если она так сделает, это будет означать, что все случилось взаправду. А она еще не готова столкнуться с такой правдой. Не готова набрать буквы, которые сложатся в слова:

Каролина мертва.

Ина также собиралась отправить сообщение Бенжи, но это и подавно плохая идея. Полиция наверняка забрала у него телефон, а Ина не хочет, чтобы кто-то еще, кроме Бенжи, читал то, что она напишет.

Стоит Ине зажмуриться, как перед глазами возникает картинка. *Его загорелое тело, непослушные волосы, торчащие во все стороны, стоит ей стянуть с него кепку, мускулистый живот, фиолетовые плавки...*

Она сглатывает.

Вчера ночью она была *так близко*. Так близко к тому, чтобы получить то, о чем она давно мечтала. Много лет. И когда она спала с другими, то всегда представляла его. И о нем она мечтала, просыпаясь по утрам и желая уснуть снова.

Когда Каролина вчера вечером пронеслась мимо них во дворе гостиницы и Бенжамин бросился за ней следом, Ина осталась одна. Она докурила свою сигарету и как раз собиралась вернуться в бар и утопить свое горе в джине с тони-

ком. Но тут ее окликнули по имени. Он вернулся. И снова стоял перед ней. Бенжамин. Долгое время они просто смотрели друг на друга. Он был пьян, и она это видела. Ина знала, каким может быть Бенжамин, когда напьется. Сама не раз наблюдала. В такие моменты все границы и правила переставали для него существовать.

Он шагнул к ней и прижался губами к ее губам. Вкус табака, сахара и слюны. В точности как ей хотелось. Он взял ее за руку и повел за здание гостиницы, прочь, через высокие кусты смородины. Там они упали на прохладную траву. И пусть это было неправильно, но это было так фантастически прекрасно. Вначале. Но потом он остановился. Она еще раздеться не успела, как он внезапно попятился и встал. Застегнул ширинку, покачал головой и снова натянул свою кепку.

А Ина почувствовала, как ее захлестывает паника. Потому что все, чего ей хотелось, это снова повалить его на траву. Стянуть с него джинсы, раздвинуть свои ноги и впустить его в себя. Чтобы он заполнил ее, чтобы они стали единым целым. Она хотела закинуть ему на спину руки, прижать его к себе, ощутить вес его тела.

Я не могу. Вот что он сказал. *Я не могу.* А потом ушел и оставил ее.

Потому что он желал только Каролину. И никого другого. Каролину Аксен. Девушку, у которой и так уже было все и даже то, о чем Ина так давно мечтала. Бенжамин.

Но теперь у Каролины Аксен больше нет ничего. Даже

пульса.

Ина берет со стола смартфон. Какое-то время пристально смотрит на фотоальбом. После чего звонит по номеру, который она не набирала уже очень давно.

Глава восьмая

Долли Партон – отличная музыка, чтобы слушать ее, когда светит солнце. Или же когда идет дождь.

Да, потому что в конце концов начался традиционный летний дождь. Хорошо еще, что он пошел сегодня днем, а не накануне ночью. *Прогресс, Швеция!*

Из портативных колонок, тихо шурша и поскрипывая, льется музыка. Я сижу на белом диване «Экторп» в моей гостиной-кухне-прихожей (ну а что поделать, если все такое маленькое), закинув ноги на стеклянный столик, который достался мне вместе с домом. На коленях лежит раскрытый ноутбук, я зачерпываю горсть сырных чипсов из коробки и кидаю их в рот. Запиваю колой-зеро. Прекрасное сочетание.

Какое-то время я просто сижу и пялюсь на пустой лист вордовского документа. Впрочем, он не совсем пустой. Я уже написала: *Когда Уле встретил Софи*. Знаю, убогий заголовок. Едва ли я первый журналист, который заимствует названия статей из фильмов. «Когда Гарри встретил Салли» – это классика. Затасканная классика. Но для начала сгодится. А потом придумаю что-нибудь получше.

Через два дня я должна отправить готовый текст главному редактору «Шанса», Гунилле. Последние три года именно она руководит газетой. До этого за штурвалом стояла Йоханна Флод. Я ее просто обожала. Впрочем, ее все у нас лю-

били. Она была простой и веселой и любила болтать как ни в чем не бывало, даже когда срок сдачи был на носу. Это просто милость божья – работать у таких, как Йоханна, настоящего фаната журналистики, которая горела на работе. Именно она сделала «Шанс» таким, какой он есть сейчас. Газетой, которая выделяется среди прочих еженедельных газетенок, как маленький золотистый бриллиант. Разумеется, все ее страницы сплошь забиты сплетнями, а как же иначе. Но это скорее сплетни типа «Карл-Йон купил себе шикарную квартиру!», чем «Угадайте, чей пепел нюхает Персбрант?!» Довольно безобидно, не правда ли?

Я всегда мечтала стать журналистом. Собственно говоря, у меня не было выбора. Ведь я росла и воспитывалась на «Сексе в большом городе». То есть хочу сказать – покажите мне ту женщину, которая не захотела бы походить на Кэрри Брэдшоу, которая сидит и строчит статьи в своей замечательной квартирке, пока за окном облетает осенняя листва. Именно с такими намерениями я поступала на факультет журналистики. И поступила.

Студенческие годы получились и в самом деле классные – с дешевым красным вином и посиделками до утра, но, сказать по правде, я всю дорогу с нетерпением ждала, когда же начнется настоящая работа. Я уже заранее представляла себе, как я в черных туфлях на каблуках цокаю по залитой солнцем улочке с кофе латте в одной руке и с ноутбуком в другой (просто удивительно, до какой степени человек по-

рой может обманывать самого себя – потому что я скорее похожа на горбуна Квазимодо из Нотр-Дама, когда пытаюсь шкандыбать на каблуках) и просто живу жизнью пишущего человека. Но когда выпускные экзамены были сданы и пришло время выходить в жизнь, все оказалась не так легко, как я думала...

Я пробовалась в пятьдесят мест. Позвали меня только на *одно* собеседование, в газету, которая называлась «МОТОР» и писала – да, о моторах. Разумеется, я ничего про них не знала, и, думаю, они это поняли. И место я, конечно, не получила. В то время я ютилась на двадцати квадратных метрах съемной однокомнатной квартирki в Хорнстулле. Она обходилась мне в восемь тысяч крон в месяц, и с моей подработкой в 7-Eleven⁵ я едва наскребала денег на арендную плату. Я уже была готова броситься с моста Вестербру в воду, когда повстречала Закке.

Как-то летним вечером мы оба оказались в ресторане «Мертвая петля» в Хорнстулле каждый со своей компанией друзей, когда начался дождь. Я немного перебрала пива, и он был настолько любезен, что держал надо мной свою летнюю куртку, чтобы защитить от дождя.

Первое, что я увидела, были его глаза, льдисто-голубые. Такие необыкновенно прекрасные. К тому времени я уже начала встречаться с Данне, но если бы не это, я наверняка попыталась бы поцеловать Закке. Пиво всегда на меня так

⁵ Сеть магазинов шаговой доступности.

действует. Ведь по натуре я очень робкая и застенчивая, но стоит мне выпить несколько бокалов, как я готова расцеловать кого угодно. Однако мне повезло, что я этого не сделала. Потому что Закке совсем недавно сошелся браком. С мужчиной. Но мы все же обменялись номерами телефонов, начали встречаться, вместе обедать и очень много смеяться. С Закке всегда хочется смеяться. Он обладает удивительной способностью – рядом с ним жизнь всегда кажется не такой уж дрянной. И ты веришь, что все обязательно наладится.

В те времена Закке работал арт-директором «Шанса» и именно он рассказал мне, что главный редактор Йоханна ищет себе ассистентку, чтобы та помогала ей во всем, начиная от оплаты счетов и заканчивая подборкой фотографий для ее рубрики полезных советов в каждом номере. Закке устроил мне собеседование, и неделю спустя я приступила к работе. Зарплата была двадцать две тысячи крон в месяц. Без всяких пенсионных отчислений. И все же я была на седьмом небе от счастья. У меня есть работа! В настоящей газете!

На сегодняшний день Йоханна Флод живет в Лос-Анджелесе вместе со своим мужем, и все мы в редакции ужасно по ней скучаем. Ее преемница Гунилла Джонс не отличается излишней теплотой. Если бы Гунилла взялась за создание собственной марки духов, они бы назывались «Вечная мерзлота». Потому что она носит только строгие белые деловые костюмы, никогда не улыбается, и если бы на обложке журнала можно было каждый месяц размещать фото женщины

весом в тридцать три кило, закутанной в шкуру белого медведя, не рискуя уронить продажи, то Гунилла Джонс делала бы это непременно.

Но теперь я, по крайней мере, зарабатываю чуть больше, и, кроме того, я репортер. Так что я не жалуясь. Я пишу о любви и человеческих взаимоотношениях. Вполне безобидные вещи, в которых я понимаю. Или понимала. Ведь что ни говори, а меня только что бросили. Но, несмотря на легкомысленные темы, вдохновение порой иссякает. И тогда я думаю о Закке, который всего неделю спустя после того, как я устроилась в «Шанс», уволился с работы, чтобы осуществить мечту всей своей жизни: открыть собственный винный бар в Сёдермальме. Чем он в настоящее время и занимается. Смелый человек, что тут скажешь.

Я беру смартфон, и одновременно снаружи доносится раскат грома. Кажется, на шхеры надвигается гроза. Папа всегда говорил, что нельзя пользоваться телефоном в грозу, но, думаю, она еще далеко. Надеюсь. Я звоню Закке и, пока в трубке идут гудки, делаю еще один глоток колы-зеро.

– Привет, старушка.

Его голос словно мед, и внезапно я понимаю, что я больше не дома в Стокгольме с Закке всего в нескольких сотнях метров от меня. Я нахожусь в крохотном домишке на шхерах. Одна-одинешенька.

– Привет, – говорю я.

– Я так и знал, что ты скоро позвонишь.

– Вот как?

– Ну, сегодня праздник летнего солнцестояния, а ты одна на острове.

– Ты прямо читаешь мои мысли.

– Еще не вскрыла себе вены?

– Не, нигде не могу найти свою одноразовую бритву.

Закке смеется. Я улыбаюсь в своем одиночестве.

– Что делаешь? – спрашиваю.

– Да вот, раздумываю, какое кино нам посмотреть. В Стокгольме отвратная погода.

– У нас здесь тоже. Только что слышала раскаты грома.

– Шведское лето – ничего другого я и не ожидал.

– Как дела у Юнатана?

– Отлично, если не считать, что из-за всей этой пылицы он хрипит, как восьмидесятилетний старикан. И все лицо красное. Жутко несексуально, но я стараюсь не слишком много на него смотреть.

– Бедняжка, обними его за меня.

– Ни за что, он же всего меня обсопливит. Кстати, что ты думаешь о «Кинг-Конге»?

– Ты сейчас о кино говоришь?

– Ага.

– Ты же знаешь, я чертовки плохо разбираюсь в фильмах.

– Знаю. Ты же только читаешь романы, где врачи трахают своих медсестер. Высший класс.

– Спасибо. В отличие от генно-модифицированной горил-

лы, это ты хотел сказать?

Я прямо-таки слышу, как Закке на другом конце вздыхает. Он в самом деле умеет так громко вздыхать, что это даже по телефону слышно.

– Ну и... как там жизнь на Балтийском море?

– Кровавый ужас.

– Что?

Я делаю глубокий вдох. И непроизвольно понижаю голос, словно меня подслушивают.

– Слушай, Закке... тут сегодня ночью одну девушку убили.

В трубке становится тихо.

– Шутишь?

– Нет, правда.

– То есть на... э-э... этих твоих шхерах?

– На Буллхольмене, да.

– Но... за что?

Сидя на диванчике, я пожимаю плечами. Глупо, конечно, ведь Закке не может этого видеть.

– Ее парня задержали. Я так понимаю, что полиция думает, это он утопил ее. Им обоим по девятнадцать лет. В смысле, было. С ума можно сойти.

Я слышу, как Закке зовет Юнатана и повторяет ему все то, что я только что рассказала. При этом голос Закке звучит излишне драматично, а рассказ приправлен деталями в духе «Силла говорит, что весь остров в шоке» и «ее глаза бы-

ли широко распахнуты, когда ее нашли». В ответ доносится хриплый голос Юнатана с различными вариациями на тему «Ах ты боже мой».

Я улыбаюсь себе под нос. И чувствую, как же сильно соскучилась по ним. Соскучилась по их стряпне, душевной теплоте и их квартире на площади Марияторьет. Я соскучилась даже по Грете Гарбо, которая твякает на заднем плане. Грета Гарбо – это их новая собака, хотя чаще всего мы зовем ее просто Грета. Ей уже скоро год, жизнерадостная болонка породы гаванский бишон. Это Юнатан настоял на том, чтобы завести собаку, хотя Закке больше всего на свете мечтал, чтобы ни в доме, ни в жизни не было лишних помех. Но Юнатан не сдавался, и когда Закке увидел этого щенка, то влюбился в него с первого взгляда. У Греты Гарбо были большие глаза, мягкая густая шерстка, и вообще она выглядела так, словно была специально создана для того, чтобы ее любили. Но стоило фру Гарбо переступить порог квартиры на Марияторьет, как она показала свое настоящее лицо. То бишь морду. Каждый день ее выворачивает наизнанку, в основном на ковер, еще она любит кусать за ноги и писать предпочитает внутри дома, а не снаружи. На паркете есть даже царапины, появившиеся после того, как Юнатан пытался вытащить Грету на улицу, чтобы она справила свою нужду на земле, а не на полу. Но если уж завел собаку, то от нее никуда не денешься. И потом я думаю, что Закке полезно о ком-нибудь заботиться. «Черствый снаружи, но мягкий внутри», –

подшучиваю я над ним, что его ужасно злит.

– Как же это неприятно, Силла! – говорит он наконец.

– Да. Ужасно. Но моя соседка – ее зовут Роза – так вот, ее сын работает в полиции Наки. Так что я чувствую себя в полной безопасности.

– А. Полицейский. Чудесно...

Я фыркаю. Закке питает слабость к мужчинам в униформе. И млеет перед каждым встреченным им полицейским или пожарным. В общем, перед всеми, кто так или иначе спасает людей.

– Только на нем не было полицейской одежды, – добавляю я.

– О, вы так далеко с ним зашли?

– На нем *была* одежда. Но не форма.

– Жаль. Он хоть симпатичный?

Я улыбаюсь. На долю секунды мысленно вижу перед собой белую рубашку. И проглядывающую под ней загорелую кожу. Адам оказался большим. Не слишком высоким, но все равно большим. *То есть хочу сказать, что темно-синий костюм не болтался на нем, а сидел как влитой на его широких плечах.* Я закатываю глаза – и о чем я только думаю. Это все потому, что меня только что бросили. Сразу впадаешь в отчаяние. Но я *не собираюсь* томиться по служащему в полиции сыну соседки.

– Ну как тебе сказать... вполне приятный молодой человек.

– Приятный? – переспрашивает Закке. – Прости, нам случаем не по восемьдесят лет стукнуло? Ты говоришь «приятный молодой человек»?

– Ну, тебе бы он понравился, Закке.

– Это мне мало о чем говорит, я не слишком разборчив.

Я чешу в затылке и одновременно слышу, как Юнатан бормочет где-то на заднем плане «я все слышу».

– У него был при себе такой сексуальный полицейский жетон? – интересуется Закке.

– Мм.

– Пистолет?

– Ничего такого я не видела.

– Может, резиновая дубинка?

– Ладно, я кладу трубку.

– Нет, прости! Я... я просто подумал, что это довольно увлекательно. Островной роман после разрыва с Данне. Возможно, это именно то, что тебе сейчас нужно, а, Силла? Не находишь?

Я качаю головой несмотря на то, что Закке не может меня сейчас видеть. Я знаю, что Данне никогда ему по-настоящему не нравился. Он ни разу не сказал этого вслух, он *слишком* хорошо воспитан для этого, но я и так видела это по нему, когда они встречались.

Закке считал Данне ленивым. Пассивным. Неинтересным. *Или это я так считала?* Но пусть Данне и не был каким-ни-

будь the bachelor-man⁶, все же он был... моим. Мы были вместе три года. Целых три года он спал рядом со мной по ночам. Поэтому нельзя просто так взять и притвориться, что этих трех лет не было. И когда такие отношения подходят к концу, то появляется чувство, словно маленькая часть тебя бесследно исчезает. Превращается в дым. И я не понимаю, как может быть по-другому.

– Думаю, я еще долго буду равнодушна к мужчинам, Закке.

– Ну, если ты так говоришь... Но в любом случае звучит обнадеживающе, что поблизости от тебя есть полицейский. В смысле – в свете убийства. Жуть какая. Ты ведь запираешь дверь на ночь?

– Нет, я открываю ее нараспашку и накрываю небольшой фуршет из кухонных ножей.

– Я так понимаю, ответ «да».

– Да, я запираю дверь.

– Отлично. Должен сказать, мы очень скучаем по тебе здесь, в городе!

– А я по вам. Поэтому стараюсь слишком много об этом не думать, а не то сяду на паром и приплыву обратно.

Закке смеется.

– Нет, честно скажу, я считаю, это лучшее, что ты сделала за последнее время.

– Ты в самом деле так думаешь?

⁶ Завидный жених (англ.).

– Ну конечно! Все лето целиком для тебя одной, небольшая смена обстановки. Это именно то, что тебе сейчас нужно после... ну, в общем, после всего.

Он сказал *всего*, но, разумеется, имел в виду только Данне. Как бы трагически это ни звучало, но именно этим Данне и был для меня. Всем. Правда, сегодня я обновляла мессенджер всего пять раз. А вчера по меньшей мере раз двадцать. *Прогресс, Силла! Прогресс!*

– Но вы обещали приехать ко мне, – говорю я. – Через пару недель. Или как?

– Точно, обещали. Будет здорово.

– Ага, море, вино и гриль.

– Звучит как мечта!

– Ну да. Здесь... мило.

Я поворачиваю голову и смотрю на капли дождя, которые барабанят по грязным оконным стеклам. В отдалении снова слышится раскат грома. Ну что ж, по большей части здесь довольно неплохо. Особенно если ты не один. А с кем-нибудь вроде Закке и Юнатана. Или, возможно, Розы.

– Нам пора выдвигаться в кино, старушка, – говорит Закке. – Еще созвонимся!

– Непременно. Мне тоже пора работать.

– Что пишешь?

– Любовную историю Уле из «Фермер ищет жену» и его новой подружки Софии. Но у меня совершенно нет вдохновения.

– Прогуляйся и понюхай розы.

– Окей, пока.

Мы прощаемся, и я отключаюсь. Кладу смартфон рядом с собой на диван, отпиваю еще колы-зеро и снова открываю ноутбук. Через двадцать часов текст должен быть готов. Гунилла уже ждет со своей мерзкой красной ручкой. *Ну, давай же, Силла.* Вдохновение это для любителей, а ты – профессионал.

Глава девятая

– Алло?

Голос прозвучал глухо, как из бочки. Ина едва его узнала. Какое-то время она просто молча сидит, не зная, что сказать. Голос в трубке настойчиво повторяет:

– Алло? Есть там кто-нибудь?

Ина сглатывает.

– Здравствуй, Эбба. Это... Ина.

Теперь приходит черед Эббы замолчать.

– Ина?

– Да, я. Привет. Я помешала?

– Нет, ничего страшного. Совершенно. Я просто немного удивлена.

– Понимаю. Извини. Просто я почувствовала, что должна поговорить. Или если не поговорить, то хотя бы просто сказать... привет.

Ина бросает взгляд в окно. Грозовой фронт надвигается прямо на остров. Зигзаги молний освещают море там, где темные волны бьются о берег.

– Ты ведь уже слышала, да? – спрашивает Ина.

– Да. Слышала. В голове не укладывается. Это так нелепо и... страшно.

– Знаю. Об этом пишут все вечерние газеты.

– Подумать только – Каролина. И вроде как подозревают

Бенжи. Его ведь забрала полиция? Так написано на страничке нашей гимназии в «Фейсбуке». А ты сейчас там? В смысле, на Буллхольмене?

– Да, я в доме моих родителей. Это на другом конце острова, ты знаешь.

– Да, точно. Одна?

– Угу.

Тишина. Никаких всхлипываний. Лишь тихое дыхание Эббы в трубке. Она не плачет. К счастью. Не в стиле Эббы плакать, и Ина не может припомнить ни одного случая, чтобы ей приходилось утешать ее. При этом сама Ина из тех, кого требуется утешать постоянно. Она не такая сильная, как Эбба. Не такая толстокожая.

– Когда ты разговаривала с ней в последний раз? – спрашивает Ина.

– С Каролиной? Вроде как на выпускных экзаменах. Поболтали несколько минут. После этого я ее почти не видела. А ты?

– То же самое.

Ина чувствует, как ложь соскальзывает с ее языка. На вкус она как горячий чай. Ваниль с карамелью.

– Так ты тоже здесь, на острове? – спрашивает Ина.

– Да, мы приехали вчера вечером, довольно поздно. На самом деле, мы тоже собирались отпраздновать здесь день летнего солнцестояния, но чего-то припозднились и поэтому остались на яхте и просто поужинали. Я даже еще на берег

ни разу не сходилла с тех пор, как мы причалили. Особенно после того, что случилось с... Карро. Но, может, нам встретиться завтра? Ненадолго. Просто поговорить?

– Прекрасно. Давай.

– Отлично. Тогда на связи!

Клик – и Ина откладывает телефон в сторону. *Вот, знаешь, как оно бывает.* Только что она разговаривала с одной подругой о смерти другой подруги, и все это звучало так, как будто это самая естественная вещь на свете. Словно им всем по восемьдесят лет и Каролина Аксен умерла от старости. Или от инсульта.

Новый удар грома. И тут же следом прямо за окном сверкнула молния, осветив кухонный стол и лежащий перед Иной открытый фотоальбом. Ина пристально смотрит на его страницы. Разглядывает снимок четырех девочек, которые стоят, положив друг другу руки на плечи. Почти как футбольная команда. Четыре радостные десятилетние девчушки на летних каникулах на Буллхольмене. Они так крепко дружили, что все вокруг думали, что это навсегда, а теперь они едва разговаривают друг с другом.

Ина не в силах подолгу смотреть на снимок. В голову сразу лезут воспоминания. А это тяжело.

Ина, Эбба, Каролина и Юсси.

Юсси.

И пусть даже сегодняшний день кажется немного сюрреалистичным, Ина не чувствует глубокого шока. Потому что

это уже не первый раз, когда ее подруга уходит из жизни.
Такое уже случилось раньше.

Глава десятая

Проснулась я от писка мобильного.

Эсэмэска от папы:

Позвони мне, Силла! О Буллхольмене пишут во всех газетах – убита молоденькая девушка. УБИТА! Что за остров ты себе выбрала? С тобой все в порядке? Какой у тебя дверной замок в садовом домике? Не висячий же, правда? Ты осторожна? У нас в Эльвиё замок марки YALE Doortan, работает как часы. Ты ведь правда осторожна? Пожалуйста, позвони мне, как только сможешь. Сусси передает тебе привет! Целую, обнимаю, ПАПА.

Я тут же набрала ответ:

Привет! Со мной все хорошо! Позвоню чуть позже. Случившееся, конечно, напоминает кошмар, но у меня хороший замок, и я, как обычно, кропаю свои любовные истории. Ничто не ново под луной, так ведь говорят. Но зато здесь очень красиво! Приезжай ко мне как-нибудь вместе с Сусси – сам все увидишь! Целую, обнимаю, Силла.

Случившееся в самом деле похоже на кошмар. Я еще никогда не оказывалась поблизости от места, где убили человека. Такое чувство, словно я очутилась на съемках телеви-

сионного сериала. «C.S.I.: Буллхольмен»⁷. Если это действительно было убийство. Но с какой стати Каролине привязывать к своей ноге канистру, а потом идти топиться? Из-за ссоры с парнем? Неправдоподобно как-то.

Какое-то время я ничего не делаю и просто валяюсь в постели. Ничего предосудительного – просто так чудесно нежиться под пуховым одеялком, зная, что тебе не нужно спешить на работу. Вчера я успела написать бóльшую часть статьи, а остальное смогу закончить сегодня в саду.

О ночной непогоде остались одни лишь воспоминания. Сквозь узкое оконце на чердаке светит солнце, и слышно, как снаружи щебечут птицы. Я бездумно разглядываю белые доски над головой, исследуя взглядом трещинки и кусочки отслоившейся краски. Кушать хочется... Что бы такое съесть на завтрак? Может, испечь булочки сконы?⁸ Кажется, в кладовке завалялось несколько пакетов муки, оставшихся еще от предыдущей владелицы. Интересно, годится ли она еще для выпечки? Надо бы мне навести в кладовке порядок. А потом сходить за покупками в магазин. Но тут я вспоминаю, что мою зарплату на лето урезали вдвое из-за того, что теперь я работаю на полставки, и решаю, что, пожалуй, будет лучше поискать рецепты в поваренной книге.

Надо позвонить Закке – он готовит вкуснейший в мире со-

⁷ По аналогии с «C.S.I.: Место преступления» – американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.

⁸ Традиционные английские булочки.

ус «Болоньезе». Один из тех шедевров, что часами томятся на плите. А еще я видела как-то раз по телевизору, как Лейла Линдхольм готовила индийское блюдо «Палак Панир». Нечто вроде карри со шпинатом и сыром. И небольшим количеством риса басмати. Боже, *до чего же вкусно*. И надолго хватает. Причем этот самый басмати не варят как обычный рис, а поджаривают с луком, изюмом и семечками, добавив немного кумина для цвета. Мммм, вкуснятина! Я чувствую, как мой рот наполняется слюной, и довольно потягиваюсь, чтобы размять тело перед предстоящим кулинарным фестивалем.

И в этот момент раздается стук в дверь. *Бум, бум, бум*. Должно быть, снова Роза. Я сажусь на постели, стараясь на этот раз не стукнуться головой о скат крыши. Но стоит мне начать спускаться по лестнице, как к горлу подкатывает тошнотворный комок.

Неужели снова что-то случилось? Еще одно убийство? На острове объявился серийный убийца? Как бы кошмарно это ни звучало.

Я натягиваю халат и, протерев заспанные глаза, распаиваю входную дверь.

– Доброе утро!

Снаружи стоит Роза в широкой тунике. На этот раз из джинсовой ткани. Должно быть, она уже была давно на ногах, потому что успела накраситься. На губах блестит малиновая губная помада.

– Здравствуйте, – говорю я. – Кажется, это уже начинает входить в привычку.

– Я знаю! Простите. Не волнуйтесь, никто не умер, ничего такого, и КЛЯНУСЬ вам, я не бужу своих соседей таким манером каждое утро. Я не какая-нибудь там сумасшедшая старуха, честное слово.

– Я вам верю.

– Я только хочу, чтобы вы знали, что сегодня воскресная ярмарка. Я как раз туда собиралась, но подумала, что надо информировать всех вновь прибывших о традициях острова!

Позади Розы за оградой сада видно, как народ снует туда-сюда по проселочной дороге. День уже в самом разгаре, и все мои соседи высыпали наружу и наслаждаются жизнью. Очевидно, я одна во всей округе люблю подольше поспать.

– Воскресная ярмарка – звучит многообещающе, – говорю я.

– Это чудесно! Она проходит на небольшом лугу возле гостиницы. Огородники из дачного кооператива продают то, что вырастили на своих участках, а еще можно купить мяса у местных фермеров. А также напиток из черной бузины.

Я прямо-таки попала в книгу Астрид Линдгрен.

– Звучит просто здорово, – говорю я.

– Вот и славно! Тогда идем.

Я наморщиваю лоб.

– Что, прямо сейчас?

– Да, следует поторопиться, пока все не закончилось. Ингрид из Спаржевого переулка продает потрясающе вкусную морковку – она невероятно сладкая и чудесно готовится с эстрагоном на гриле. Но, к сожалению, ее всегда успевают разобрать к моему приходу. Ну, так я иду к себе – сварю нам по чашке кофе на дорогу. Вам хватит три минуты на сборы?

– А у меня есть выбор?

– Нет.

– Ну, тогда я буду готова через три минуты.

* * *

Мы взбираемся по склону холма, на котором расположена гостиница, и у каждой из нас в руке резиновая кружка с обжигающим кофе. На первый взгляд не слишком-то заметно, что Буллхольмен потрясен вчерашней трагедией. Играют и со смехом носятся на своих самокатах дети, прогуливаются под ручку пары, довольно поворачивая свои украшенные темными очками лица к солнцу, и время от времени доносятся гудки парома «Серебряная стрела», который швартуется в гавани.

– Я видела их сегодня утром, – говорит Роза, когда мы добираемся до вершины холма.

– Кого их?

– Родителей Каролины. Во время моей пешеходной прогулки.

– Пешеходной прогулки?

– Ну да, пять раз в неделю по утрам я совершаю моцион.

В спортивном костюме, все как полагается.

– Вы полны сюрпризов, Роза. Расскажите же, что они, эти родители.

– О, это было печальное зрелище. Я проходила мимо гавани и видела их сидящих на причале. Отец рыдал, а мачеха Каролины его утешала.

– Женщина с короткими черными волосами? Так это мачеха Каролины?

– Да, Лена. Насколько я знаю, настоящая мать Каролины скончалась от рака. Отец Людвиг однажды рассказал мне об этом. Как же он безутешно плакал. Тяжело было смотреть. А чуть в стороне сидела дочь мачехи и читала книгу. Взаправду убитая горем семья.

Я притормаживаю, чтобы достать из кармана тоненькой летней курточкой, висящей у меня на плече, темные очки. Солнце светит ослепительно ярко.

– А вы много общались с семьей Аксен?

– Не слишком. Но я купила свой участок десять лет назад, и все эти годы они каждое лето приезжают сюда. Матери уже тогда не было, она ушла из жизни совсем рано. Очень печально. Мы с Людвигом в основном поздравляли друг друга с летним праздником, ну и так, по мелочи. Дальше этого мы не заходили. Сказать по правде, он никогда мне особо не нравился. И кроме того, ты должна понимать, Силла: ях-

товладельцы предпочитают держаться людей своего круга. А мы, дачники, в основном общаемся между собой. Мы находимся с ними, так сказать, на разных социальных уровнях.

Рози закатывает глаза, а я смеюсь.

– Они смакуют устриц, а вы выращиваете морковку? – поддеваю ее я.

– Точно!

– А та вторая девушка, которая читала, она сестра Каролины?

– Ага. Сводная. Они ровесницы, но она дочь только Лены, то есть мачехи. Не помню, как ее имя. Йесс... ика? Или Йенни? На первый взгляд она ничего особенного из себя не представляет.

– А вам, случайно, не известно, сколько времени они уже вместе?

– Людвиг и Лена? Черт побери, ну и любопытная же ты, Силла!

– Ваш сын сказал то же самое. Простите. Профессиональный навык.

– Ничего страшного. Я сама такая же. Мой сын частенько говорит мне, что если бы Соединенные Штаты доверили мне поиски бен Ладена, то его поимка состоялась бы 12 сентября. Что же касается твоего вопроса... Насколько мне известно, их отношения длятся совсем недолго. Думаю, впервые я увидела их вместе только прошлым летом. Потому что до этого Людвиг постоянно приезжал сюда на яхте один с Каро-

линой, и окажись рядом с ним кто-то еще, сама понимаешь, это вызвало бы множество слухов. На маленьких островках любят посплетничать. И между нами говоря...

Тут Роза наклоняется к моему уху.

– ...Лена выглядела ужасно довольной тем, что захотела Людвига. Я хочу сказать, что одна только яхта стоит десять миллионов крон или около того.

Я едва не поперхнулась кофе. Ну вот как люди умудряются иметь такие деньги? Они что, все выиграли в лотерею? Сидели в «Утренних новостях», утопая в конфетти? Или все дело в наследстве?

Мне еще раз, пусть и невольно, напомнили о том внезапном повороте, который случился в моей жизни. Я больше не одна из двух. Всю мою стабильность – как личную, так и финансовую – словно ветром сдуло. Теперь я могу рассчитывать только на саму себя. А с покупкой собственности на Редисовой улице, 14 ушли все мои сбережения. Осталось только усердно кропать статьи о том, как фермер ищет себе жену. И слушать «На собственных ногах».

Роза качает головой, словно угадала мои мысли.

– Хотя я не понимаю, зачем людям столько денег. Лично для меня главное – чтобы хватало на хорошее вино и качественное постельное белье.

Я улыбаюсь.

– Но знаешь, что странно? – говорит она.

– Нет. А что?

– Разумеется, Лена здесь ни при чем, совершенно. Но когда я увидела ее в первый раз, прошлым летом, то ее лицо показалось мне знакомым. Уж не знаю где, но... я видела его раньше.

* * *

Рози оказалась права. В смысле, что за морковкой надо приходиться пораньше. Когда мы пришли на ярмарку, то здесь уже было не протолкнуться. Куда бы я ни поворачивалась, повсюду пестрели овощи, цветы и фрукты. В воздухе витали сладкие свежие ароматы, и от всей этой красоты вокруг мое сердце забилось сильнее. Какая роскошь оказаться в центре этого крошечного оазиса именно сегодня.

– Скорее, начнем с морковки!

Рози подхватила меня под локоть и потащила к небольшому прилавку, застеленному красно-белой клетчатой скатертью, на которой громоздились корзины с ярко-рыжей морковкой.

– Кстати, что ты делаешь сегодня вечером? – поинтересовалась Рози. – Есть какие-нибудь планы?

Думала я недолго. Срок сдачи статьи на носу, но скорее всего я закончу ее еще днем, если меня, конечно, совсем не одолеет творческий кризис. В остальном же я очутилась в мире, где у меня нет никаких планов. Никаких обязательств и принуждений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.